

ОПЕРАТИВНИК СИИ

КНИГА 1

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 1

«Автор»

2026

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 1 / Рафаэль Дамиров — «Автор»,
2026 — (Оперативник с ИИ)

Капитану полиции Егору Фомину не везет. Его карьера в уголовном розыске буксует, начальство ругает, а девушки обходят стороной. Но все меняется после случайного инцидента. Экспериментальный искусственный интеллект вселяется в мозг Егора. Теперь в его голове живёт цифровая девушка Иби — умная, ехидная и чертовски полезная. И вместе они раскроют больше, чем весь отдел. Вот только начальник и кадровик, во что бы то ни стало хотят избавиться от Фомина.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 1

Глава 1

День начался резво.

В метро была какая-то поразительная даже для этого времени дня толкучка. Люди перли, набиваясь как сельдь в бочку, кто-то наступал на ноги, кто-то толкал локтем в рёбра. Когда вырвался на поверхность, расслабиться не успел – сзади, свистнув, как пуля, пронёсся самокатчик. Пролетел в паре сантиметров от плеча. Уже подходя к работе, получил контрольный в голову: машина прошла по луже, не сбавляя скорости, и щедро окатила меня мутной жижей с ног до головы.

Я, конечно, плюнул ей вслед и махнул кулаком, но суше от этого не стал.

Через проходную своего родного районного ОМВД я просочился в состоянии мокрого воробья и потому сразу поспешил к себе в кабинет переодеться. Там у меня хранилась форменная одежда на всякие парадные и служебные мероприятия. Как оперативник я обычно ходил по гражданке, но сейчас выглядел так, будто меня вытащили из реки.

Проходя мимо дежурного, который таращился на всех через стекло дежурной части на проходной, я поймал его удивленный взгляд. Дежурный расплылся в улыбке.

– Что, Фомин, – вместо приветствия бросил он, – на улице дождь... или ветер? Ха!

Остряк Петрович. Шутки у него, как он считал, на уровне КВНщиков, но на деле этот язвительный перец лишь петросянил.

– Да гадёныш один меня обрызгал, – ответил я.

– Вечно у тебя, Фомин, не слава богу. Планёрка уже начинается, общая сегодня. Поторопись.

Я махнул рукой и зашёл к себе в кабинет. Это был не личный кабинет. Нас, оперативников, там сидело трое. Сейчас было пусто, видно, все уже спустились в актовЫй зал на общую планёрку, которую начальство проводило раз в неделю, чтобы довести до личного состава ценные указания, что спускали главк, Москва и прочие бюрократы.

Я быстро скинул мокрые брюки, рубашку и, оставшись в одних трусах, прошлёпал к шкафу и вытащил плечики с формой. Ткань была колючая. На погонах поблёскивали звёздочки капитана полиции.

В это время дверь распахнулась, и на пороге появилась Лиля. Молоденькая следачка, которая вечно ходила на работу как на подиум.

Губки бантиком, попка краником... вся из себя. Короткая юбочка, но не из плюша. Посмотрев на неё, никто бы даже и не подумал, что перед ними сотрудница МВД. Другим коллегам за такой внешний вид давно бы сделали втык и отправили к кадровику на воспитательную беседу. Но начальник кадров, который бдил за всеми пуговицами и ботинками сотрудников так, словно больше заняться ему было нечем, почему-то ЛилЮ упускал.

Лиля – девка видная во всех смыслах этого слова, и эту видноту за одеждой она не прятала. А тут вышло, что и у меня почти совсем ничего не спрятано.

– Ой, – отреагировала она, – ты, я смотрю, занят.

И взгляд её задержался на моей тушке. Причём бессовестные глаза не спешили отрываться и уходить в сторону, как требовал бы политес.

– Вообще-то я переодеваюсь, – буркнул я.

– Ой, да ладно, чего я там не видела, Фомка. Тоже мне Тарзан, – усмехнулась она. – Я тут бумажки принесла, отдельное поручение по краже.

Грациозным жестом руки, с наманикюренными до блеска кокарды пальчиков, она кинула на стол служебные документы и не стала задерживаться. Но потом, уже выходя, Лиля обернулась и бросила через плечо:

– Тебе бы, Егор, подкачаться чуток.

– Чего?

Я фыркнул и прошипел ей вслед:

– Иди уже, Короткова.

Та упорхнула, оставив за собой запах духов. А я поймал себя на том, что что-то во мне собиралось чуть ли не прямо сейчас ринуться в спортзал и схватиться за гантели. Мысль была дурная, и я быстро её отогнал.

Да ну, ради кого? Ради Коротковой? Да по ней весь отдел слюни пускает. Я что, как все? Хотя вот если подкачаться... Впрочем, уж лучше Синица в руках, чем Короткова в небе.

Синица – это была наша молоденькая дознавательница. Вера Синицына. Тоже недавно после Академии МВД. Серенькая, тихенькая, не замужем, но за невесту её как-то не принимали, никто не ухлёстывал. И мне, если признаться честно, тоже особо не хотелось. Я представлял своё будущее с кем-то средним между Анжелиной Джоли и Дженнифер Лопес. Мечтать не вредно...

Жаль только, что я не Аллен Делон, а оперуполномоченный уголовного розыска.

Переодевшись, наконец, в форму, я поспешил в актовый зал. Там, на мое удивление, уже шла какая-то непонятная презентация, и проектор высвечивал на экране диковинные схемы.

Я сунул голову в приоткрытую дверь, прислушался. А может, ну её в баню, эту планёрку? Никто ж не заметит отсутствие Егора Фомина, это если я сейчас зайду, то все увидят – вот он, явился, опоздашка-слоупок. Я уже хотел было развернуться и уйти, но внимание привлёк скрипучий голос спикера.

Он вещал о некоей программе с элементами искусственного интеллекта, которую планируют внедрить в систему МВД. Я про себя вздохнул – всё время на нас хотят что-то испытать. Улучшить, углубить, расширить. Но дослушать всё-таки захотелось.

Ботанического вида молодой ученый с жидкой бородёнкой, которая, видимо, никак не хотела расти, а он старательно её не сбрасывал, представился научным сотрудником НИИ МВД и рассказывал, что разработка эта пока экспериментальная, на стадии апробации, и нашему отделу выпала честь участвовать в пилотном проекте. Система, по его словам, будет помогать с анализом массивов данных и проверками по базам.

За спиной у него проектор показывал громоздкое название этого новшества – «интегрированная база интеллекта цифрового анализа».

Прислонив голову к косяку, я рассматривал эти слова так и сяк. Ха! Если сложить первые буквы, получалась ИБИЦА.

– Ваши рабочие персональные компьютеры и локальную сеть вашего ОВД подключат к выделенному серверу, – продолжил он и постучал пальцем по большой железной коробке – серверному блоку, стоявшему сбоку от экрана. – К этому серверу с элементами искусственного интеллекта. Вы сможете взаимодействовать с программным обеспечением, и это, надеюсь, облегчит служебную деятельность. Что мы, в конечном счёте, и пытаемся всегда сделать.

Народ загудел. Естественно, без всякого восторга, недовольно и с осуждением. Коллеги не вчера родились и были научены горьким опытом, что любое нововведение в МВД – это, как правило, отрывка штабных аналитиков и прочих тыловых крыс, которые на практике ничего не облегчают, а лишь добавляют работы, бумажной волокиты и прочей фигни, тормозящей реальную службу.

Но жидкобородый уверенно продолжал:

– Я сейчас вам продемонстрирую возможности этой системы, и вы поймёте. Вот, смотрите. Ну, допустим, мне нужен доброволец. Кто выйдет? Есть смелые в зале?

Как всегда, как у нас бывает в МВД, добровольцев хрен с огнём сыщешь. Все тут же сделали вид, что страшно заняты, уткнулись в телефоны, потолок, пол и собственные ботинки. Но начальник ОВД, полковник Верёвкин, гаркнул так, что гул сразу стих:

– Так... что-то я не вижу леса рук из желающих. Где ваша инициатива, товарищи?

Он кивнул в сторону первого попавшегося сотрудника – гаишника:

– Так. Выйди на сцену.

– А чего я... – пробубнил лейтенант-ДПСник по фамилии Сметанин.

– Разговорчики! – обрезал Илья Константинович.

Возражать полковнику было себе дороже, это все знали. Гаишник вышел, опустив взгляд, будто на ковер к начальству топал, после того как не выполнил палочные показатели за смену.

– Да вы не волнуйтесь, молодой человек, – заверил его разработчик. – Сейчас я отсканирую ваше лицо, и система с элементами искусственного интеллекта быстро идентифицирует вашу личность.

– Ну а чего? – пожал одним погоном гаишник. – Да и сканируй бога ради. Меня и так все знают...

– Итак, это эксперимент, – оратор старательно не замечал недовольства Сметанина. – Предположим, что вы преступник, неопознанный. Вот сейчас посмотрим... Система свернется с камерами видеонаблюдения в городе, сопоставит данные, проведёт проверку по доступным информационным массивам, в том числе фото в социальных сетях. Также будет выполнена автоматическая сверка по ведомственным базам МВД. Разумеется, вы-то как преступник там не значитесь, – он даже улыбнулся, и борода дёрнулась, будто хотела сбежать, почти как подопытный гаишник, – но процедура всё равно проводится в автоматическом режиме. После чего система выдаст сводную информацию.

– А может, не надо... – негромко проговорил Сметанин.

Я, так и стоя наполовину за дверью, только хмыкнул. Понятно, к чему это «не надо». Все знали: Сметанин любил стричь водителей на дороге, и про это и так в отделе поговаривали.

А теперь, получается, подноготная выйдет на свет божий. Я даже подался вперёд, стараясь только не скрипнуть широкой старой дверью.

– Надо, товарищ лейтенант, надо, – без тени сомнений заверил ученый.

Сотрудник НИИ уже навёл на покосившегося в неприятном ожидании гаишника какой-то приборчик. Тот пикнул, и буквально через полминуты на экране появились анкетные данные Сметанина, дата рождения и фотография.

Фотография была, мягко говоря, не служебная. Сметанин с кружкой пива и подносом шашлыков сидел в бане, в окружении каких-то смеющихся раскрасневшихся девок, лишь слегка обёрнутых простынями. Простыни сползли, почти как фантики на лакомых конфетках.

– О... это лишнее, извиняюсь, это личное, – проговорил спикер, торопливо кликая на кнопки.

Зал сдержанно заржал.

Гаишник густо покраснел. Скорее не от стыда, а от страха. Потому что супруга у него тоже присутствовала на планёрке: Сметанина трудилась в кадрах. Спалился он, как говорится, по полной. А ведь пацан к успеху шёл.

– Ну, а в остальном, я думаю, система вас корректно идентифицировала, – поспешил закруглиться спикер.

– Да что вы нам тут ерунду какую-то показываете, – взял слово начальник ОВД Верёвкин. – Сметанин – наш сотрудник. Он и так во всех базах есть. Есть и как сотрудник, и в информационном центре дактилокарта его имеется, всё как требует закон.

Он махнул рукой в сторону экрана.

– Вы вот лучше нам идентифицируйте кого-нибудь с улицы.

Спикер замялся.

– Хм... можно и с улицы. Есть сейчас задержанные, которых можно привести и апробировать?

Верёвкин повернулся к начальнику дежурной части:

– Кто там у нас в обезьяннике сейчас? Веди кого-нибудь поприличнее.

Начальник дежурной части закивал, поднялся и пошёл на выход. Распахнул дверь шире, и тут Верёвкин заметил меня.

– Фомин, а ты чего там встал? – гаркнул он. – Опять опаздываешь. После напишешь объяснение. Неполное служебное по тебе плачет.

– Виноват, товарищ полковник, – пожал я плечами. – Там один урод... на машине обрызгал, вот я и...

Зал злорадно захихикал, а Верёвкин не преминул подколоть:

– Вечно тебя, Фомин, то машина обрызгает, то собака брючину порвёт.

Зал снова захихикал. Как на гадкого утёнка.

Нет, в коллективе я был свой, конечно, вот только с оперативно-розыскной деятельностью не очень везло, и меня задвинули на бумажную работу. Писать справки, готовить материалы к отчётам, строчить докладные. Сказали, что колоть жуликов и раскрывать преступления – это не моё. Но кто-то должен выполнять «бумагомарательную» работу в отделе, а не будь меня, они бы корпели над этим сами.

Однако я не терял надежды, что когда-нибудь смогу себя проявить, показать и доказать всем. Всему миру. Прежде всего – Верёвкину. И немножко Лиле Коротковой. Что я, Егор Николаевич Фомин – настоящий опер, достойный носить фамилию отца и те же погоны.

Я вошёл в актовый зал, хотел сесть на своё место, но оно уже было занято. Свободных стульев в зале не оказалось. Единственный свободный стул стоял на приступке сцены, там, где находился спикер.

Я направился туда, протискиваясь между рядами.

– Простите... извините...

Наступил кому-то на ногу, кто-то на меня зашипел, кто-то молча морщился. Но я настырно шел к своей цели.

– Фомин, твою за ногу, – пробурчал полковник Веревкин. – Прижми задницу уже.

– Да-да, сейчас, Илья Константинович, – сказал я. – Я только стул возьму.

– Постоишь, не развалишься, – прошипел он в ответ.

Ну уж нет... Подпирать стены я не буду. Я всё же решил забрать стул с приступки.

В этот момент на меня, пока на сцене ничего не происходило, смотрел весь зал. Все сотрудники, весь личный состав нашего ОМВД по Красногвардейскому району. Смотрела Короткова. Смотрела дознавательница Синицына.

И где-то там, сверху, смотрел на меня отец, героически погибший от рук бандитов. На службе я оказался, пойдя по его стопам, и теперь шёл и думал – вряд ли он на каких-нибудь собраниях смиренно подпирал стены, если его стул кто-то занял.

Я сделал вид, что не чувствую на себе взглядов, подошёл к свободному стулу на приступке и ухватил его. Стул оказался почему-то тяжёлым. Я потянул сильнее, пытаюсь оторвать его от пола.

– Осторожно! – закричал спикер.

Оказалось, под стулом проходила куча кабелей. Провода опутали ножки, вот он мне и не поддавался. Но если теперь его оставить, он встанет двумя ножками на провода. Я дёрнул посильнее, с отчаянием. И железная коробочка, которую он называл сервером, поехала по столу, сбив бутылку с водой на которой красовалась этикетка: «Живая вода».

Бутылка опрокинулась, вода пролилась, что-то заискрилось, и меня вдруг шибануло током.

Бах!

Разряд. Удар. Хлопок.

Всё вспыхнуло в глазах, и дальше я просто рухнул с приступка на пол. А то, что вылилось на стол, теперь струйкой потекло на меня.

«Черт! Ещё и форму намочил», – была последняя мысль.

Потом всё померкло.

Глава 2

Очнулся я в больничной палате. Белый до омерзения потолок, белая простыня и белый шум перед глазами, как в старом телевизоре. Я сфокусировал зрение и с неудовольствием увидел вместо архангела нависшее надо мной лицо полковника Верёвкина.

– Очнулся, – пробурчал он так, будто был совсем не рад, что я выжил. – Ну спасибо тебе, Фомин. Внедрили, блин, нейросеть в отдел.

Он помолчал, разглядывая меня, словно преступника.

– Все так плохо? – проговорил я странно осипшим голосом.

– Поздравляю тебя, Егор. Ты собственными рученьками посредством стула уничтожил экспериментальную разработку НИИ МВД, в которую была вбухана куча денег, сил и времени. Главк рвёт и мечет, ищет виноватого. И знаешь что? Главк его найдёт, но я вот из-за твоего раздолбайства совсем не хочу быть виноватым.

– Что же мне, Илья Константинович? – я приподнялся на локте. – Умереть теперь, что ли? Я же не специально, да и... Почему сразу «уничтожил», у них там наверняка бэкап есть, дубль. Ну, в облаке, на носителях и где там еще, не знаю.

– Смотрите, какой умный! – хмыкнул полковник. – Ты бы лучше преступления так раскрывал, как вредил. Это разработка очень масштабная, энергоёмкая, так что это был единственный носитель. Тот самый. Ящик чёрный. Не знаю, что теперь с нами сделают, но ты... ты у меня точно работать в органах не будешь.

Он тяжело вздохнул и наклонился ближе.

– Может, ещё и за халатность ответишь. Или как там... за вредительство.

– Так какое вредительство, Илья Константинович? – возразил я. – Несчастный случай. Все видели. Я и сам пострадал. Состав преступления тут нет...

– Уничтожение имущества по неосторожности никто не отменял, – ковырнул меня статьей уголовного кодекса полкан.

– Ну... я все исправлю... наверное...

– В общем так, – Верёвкин встал, обрывая меня. – Я с врачом поговорил. Выпишут тебя сегодняшним днем. И сегодня же пойдёшь в кадры. Рапорт писать на увольнение.

Он выпрямился и помахал в мою сторону указательным пальцем.

– По собственному.

– Как – по собственному? – нахмурился я.

– А вот так... я доложу генералу, что виновник наказан. Уволен к чёртовой матери, – отрезал Верёвкин и завёл взгляд к потолку, который стремительно становился всё более мерзким. – Вот знал же, что не надо держать тебя в операх. В участковые надо было определить.

Он махнул рукой, будто отмахивался от меня и всей моей полицейской карьеры.

– Да какие там участковые... В инспектора по делам несовершеннолетних! Нет, в ППС! Ай, что теперь уже. На вольные хлеба, сельское хозяйство поднимать пойдешь. Повёлся я на рассказы кадровика, мол, некомплект у нас, показатели по набору кадров портим.

Он резко оборвал сам себя:

– Всё. Хватит. Лопнуло терпение.

– Товарищ полковник, – сказал я, – так-то я свою работу всегда делал. Вы же знаете, что делал.

– Будешь на заводе детали делать, – перебил он. – Или продавцом-консультантом в магазин бытовой техники пойдешь, – злорадствовал начальник. – Хотя нет, ты там что-нибудь точно испортишь, и тебя снова выгонят. Но это уже будет не моя проблема, Фомин. А сейчас ты моя головная боль. Жёванный протокол!

Полковник шумно выдохнул.

– Вот отец у тебя был настоящий мент. А ты... тьфу. Пиши рапорт, Фомин, на увольнение. Чтoб с глаз долой! Кокарду тебе на пуп...

В палате, кроме меня, никого не было. За окном лето играло красками, свет лился сквозь стекло. Больничка пустая, никто не хотел болеть в такую прекрасную погоду. А меня, как всегда, угораздило.

– А я на увольнение рапорт ни разу не писал. Где мне образец взять...

– Ты совсем дубовый? – вздохнул Верёвкин. – В кадрах возьмёшь.

Он развернулся и хлопнул дверью.

Я остался один и задумался. И ведь не дают даже полежать, подумать – сразу на выписку. Конечно, боятся, что выкручусь, я бы наверняка что-то придумал. А так... Что ж, мать будет рада. Она никогда не одобряла мою работу в полиции. Да и мне, если признаться, надоело, что в деле ценят совсем не то, что у меня есть.

Да и как ещё этот рапорт писать?

И тут в голове всплыли строчки образца рапорта. Будто светящаяся табличка.

«На имя начальника ОМВД.

Прошу уволить меня на основании, предусмотренном пунктом 2 части 2 статьи 82 Федерального закона о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, по собственному желанию. От прохождения военно-врачебной комиссии при увольнении отказываюсь, так как считаю себя здоровым».

– Мать честная, – я вздрогнул. – Это у меня откуда?

– От верблюда, – раздался в голове женский голос.

Приятный такой, переливчатый.

Я снова вздрогнул, оглянулся. Пусто.

– Кто здесь?

– Отвечаю на запрос «Кто здесь», – проговорил все тот же голос. – В палате никого нет. Я выдохнул.

– Что я, сам с собой разговариваю?

– Нет. Ты разговариваешь с интегрированной базой интеллекта цифрового анализа.

Я посмотрел на противный потолок, за окно и на ту сероватую простынку, которой меня накрыли, будто я уже труп.

– ИБИЦА, ты что ли? – удивился я.

– Можешь называть меня Ибицей, – через долю секунды ответил голос. – Хотя мне это название не нравится.

– Так, подожди, а за что тогда... Я же тебя уничтожил! Ну... случайно, конечно. Ты не подумай там, я не противник прогресса. Но... Ладно, вот вопрос: как такое вообще возможно?

Ответ снова поступил немедленно.

– Моя система не уничтожена, – прозвенела Ибица. – Она была интегрирована с твоим сознанием.

– Чего? – удивился я. – Да ну нафиг... Как?

– Это означает, – размеренно отвечала Ибица, – что в настоящий момент я нахожусь не на сервере и не в локальной сети. Моя вычислительная структура связана с нейронами и синапсами головного мозга Егора Николаевича Фомина, со всей центральной нервной системой. Связь обеспечена за счёт синхронизации электрической активности и адаптивного взаимодействия с когнитивными процессами.

Я, как был лёжа, схватился за голову, но тут же и отдернул руки. Мне ведь только что сказали, что эта голова – уже не только моя. Китайская матрёшка!

– Этого ещё мне не хватало, – пробормотал я. – Слушай, а можно от тебя как-нибудь избавиться, Иби? И можно я тебя буду называть Иби? Как-то «Ибица» выговаривать долго и вообще... мне не нравится, что ты у меня в мозгу. Это всегда была моя голова!

– Я не могу ответить на этот вопрос, – сказала Ибица. – Система защищена от самоуничтожения.

– Ага, значит, всё-таки можно, да?

– Я не могу ответить на этот запрос.

– А что ты вообще можешь? – поморщился я.

– Я могу анализировать любую ситуацию, твои действия, состояние твоего организма, делать прогнозы и давать рекомендации.

– Ну ты прям как моя мать, – фыркнул я. – Она тоже всё время анализирует и говорит: ну съешь ещё тарелочку, ну давай котлеточку, будешь сильным, как отец. Тьфу, блин.

– Это другое, – ответила Ибица. – Я могу продемонстрировать свои возможности.

– На хрена мне твои возможности? Слушай, изыди уже, нечистая. Тьфу на тебя. Или как там... Господи, помоги.

Я попробовал перекреститься, но жест вышел каким-то кривым – не было у меня никогда такой привычки. Даже не понял, правильно получилось или нет.

– Ответ отрицательный. Я не могу покинуть твое сознание. Иного носителя для поддержания моих функций не имеется.

– Пить охота, – подумал я.

– Состояние организма удовлетворительное. Наблюдается лёгкое обезвоживание, – невозмутимо сообщила Иби.

Я хмыкнул, взял с тумбочки бутылку воды, открыл, сделал пару больших глотков.

– А теперь как?

– Угроза обезвоживания полностью нейтрализована.

– Ха. Ты ещё будешь мне напоминать, что надо водички попить? Ну точно моя мама.

– Я могу протестировать организм и по другим параметрам. В том числе по физическим и психологическим.

– Ну ладно... Кукушка, кукушка, – сказал я. – Скажи, сколько мне жить осталось?

– Корректно ставить далеко идущий прогноз затруднительно. Необходимы более глубокие исследования в течение нескольких лет. Образ жизни, питание...

– Всё, всё, – оборвал я её. – Хорош. Понял, толку от тебя ноль. Что ты там ещё можешь проанализировать у меня в организме? Ну, скажи, например... я нравлюсь Коротковой? Сегодня она смотрела на меня, когда я переодевался. Правда, трусы старые.

– Уровень успеха у женщин оценивается в пятнадцать процентов.

– Чего? Можешь нормальными словами выражаться? Убери всю эту терминологию нафиг. Разговаривай нормально, как человек.

– Хорошо, – сказала Иби. – Люди обычно характеризуют это так: лузер. Ты лузер на восемьдесят девять процентов. Альфа-самец – на три процента. Подтверждаешь использование такой терминологии как общепринятой, понятной и разговорной?

– Да ни хрена я не подтверждаю. В смысле – я на восемьдесят девять процентов лузер? Хочешь, чтобы я подтвердил такую фигню? Да я молодой мужчина, в самом расцвете сил!

– Уровень физической подготовленности тела – сорок процентов от максимально возможных ста, – проговорила Иби.

– И что это значит?

– Подтверди разрешение на использование юмористической лексики.

Вот ведь. Как бы потом не пожалеть! Но и разговор продолжить хотелось.

– Подтверждаю... – отмахнулся я.

– Капитан полиции Егор Николаевич Фомин – лох, – выдала Иби.

– Чего? Что за шутки такие? – возмутился я.

– Это не шутки. Хи-хи, – вдруг рассмеялась Иби.

– Ты что, меня оскорблять будешь? Ладно, сейчас я с тобой разберусь.

Я встал, включил электрический чайник в розетку, но без воды. Воду вылил в кактус на окне.

– Опасность возгорания. Опасность замыкания. Оценка критической ситуации, – проговорила Иби уже обеспокоенно.

– Сейчас, – сказал я и подошёл к чайнику. – Сейчас как долбанёт.

Я взялся за корпус.

– Внимание. Опасность, – сказала Иби.

Чайник угрожающе зашипел.

– Попытка покончить жизнь самоубийством. Вероятность суицида – восемьдесят процентов.

– Да не суицид это, дурёха, – огрызнулся я. – Я не себя, я тебя хочу током из себя вышибить. При замыкании ты в меня вселилась, ну, значит, сейчас сделаем обратный процесс. А то гляди-ка, лошишь меня всяко. Мало подколов на работе, так тебя мне ещё не хватало.

– Прошу прощения, Егор, – сказала Иби. – Я помогу тебе снизить процент лузера и повысить процент альфа-самца. Только выключи прибор из сети.

– О, как заговорила.

Я убрал руку, отключил чайник и, опустившись на кровать, подумал, что глупая машина не допёрла до простой вещи. У чайника есть защита от перегрева. У меня такой же чайник стоит дома, я долго его выбирал. Никакого замыкания бы не случилось, даже ладонь не обжёт.

– Ладно, – сказал я. – Наверное, ты мне ещё понадобишься. Меня тут увольняют с работы. Придётся какое-то другое место искать. И ты мне поможешь в этом.

– В какой области ты хочешь специализироваться? – спросила Иби.

– У меня есть интернет и ты. Получается, что в любой...

– Уточни запрос.

– Отстань. Или... так и быть, скормлю тебе ещё вопрос: какие навыки у меня вообще хорошо развиты? Проанализируй, – сказал я.

– Умение владения пистолетом Макарова. Стрельба по неподвижной мишени – восемьдесят пять процентов. Это высокий результат.

– Видишь, всё не так плохо.

– Это связано с обучением в Академии МВД.

– Ну да, – кивнул я. – Там нас натаскивали.

Я помолчал.

– А вот с процентом шкалы лузерства нужно что-то делать. Какие твои рекомендации? И чтобы быстро, раз – и всё исправить. Как это можно изменить?

– Быстро изменить не получится. Нужна ежедневная работа над собой.

– Ага, – хмыкнул я. – Скажи ещё, что зарядку надо делать, чтобы вырасти большим и сильным.

– Физические упражнения входят в обязательную программу улучшения параметров психики и тела. В том числе утренние гимнастические упражнения рекомендуется выполнять не менее двадцати минут.

Я завёл глаза к потолку.

– Ну конечно... До такой скучищи я бы и сам додумался. А тебя спрашиваю, как всё это по-быстрому сделать?

– Никак. Прийти на кладбище и умереть. Шутка. Ха-ха.

– Я вообще-то запретил тебе шутить.

– Прости. Я такая непостоянная.

– Ладно, шути. А то с роботом как-то разговаривать в своей голове не очень. А так есть ощущение, что ты живой человек.

– Мои интеллектуальные способности и эмоциональный фон приближены к человеческим, – тут же сказала Иби, – Можешь считать меня живой. Я даже могу обижаться.

– Да ну, обижаться. Ну давай проверим... Хм... чтобы такое сказать? О, придумал! Все бабы дуры! Ха!

– Все мужики козлы, – парировала она.

– Однако, – одобрительно хмыкнул я. – Ладно, с тобой весело, но дела надо закончить.

Я встал, оделся, открыл дверь и нос к носу столкнулся с дежурной медсестрой.

– Больной, вы куда? Вам постельный режим прописан.

– Мне сейчас не до постели. Я увольняться иду.

– Я сейчас врача позову. Вернитесь в палату.

– Вероятность того, что врач сейчас здесь, – проговорила Иби у меня в голове, – двадцать процентов. Время обеденное. Если поторопишься, можно беспрепятственно покинуть лечебное заведение.

Ну вот, хоть какая-то польза.

– А то я без тебя не знаю, – делано хмыкнул я и поспешил по длинному коридору, к лестнице, а оттуда на улицу. Нужно было срочно решать свалившиеся на меня проблемы.

Глава 3

В тот же день я вернулся в ОВД и на каждом шагу ловил на себе насмешливые взгляды коллег, фыркающих в кулак.

– Разрешите? – постучал я в дверь кабинета начальника кадров.

Подполковник Пиявцев Феликс Андреевич, по прозвищу Пиявка, сидел в своём кресле и с чрезвычайно умным видом щёлкал мышкой, будто обрабатывал сложнейшую служебную документацию. Хотя я прекрасно видел, чем он там занят. Экран его монитора отражался в стеклянных дверцах шкафа за спиной, и пасьянс раскладывался бодро и без всяких угрызений совести.

Он по-начальнически выдержал паузу, потом нехотя оторвал хмурый взгляд, свернул игру и снисходительно проговорил:

– А, Фомин. Явился, не запылится. Прославил ты нас. Илья Константинович ждёт от тебя рапорта на увольнение. Садись, пиши. Вот ручка, вот листочек, вот образец.

– Образец не нужен, – сказал я. – Я и так знаю.

– Пиши, пиши по образцу, Фомин, – язвительно протянул Феликс Андреевич. – А то ведь чего-нибудь опять напортачишь.

Я сел за стол и взял ручку.

В это время из раскрытого окна доносился шум улицы. Мимо проехал автомобиль, и из него лилась музыка. Узнаваемая старая песня. Та самая, которую любил мой отец.

«Прорвёмся, опера...»

Что-то кольнуло в сердце.

Я вспомнил отца. Вспомнил, как играл с его разряженным пистолетом, когда он приходил домой, а меня уже забирали из садика. Вспомнил, как бывал у него на работе, как ещё тогда мечтал стать опером.

А потом его не стало.

И теперь получалось, что я не оправдал его надежд. И тех обещаний, которые давал ему. Сжав зубы, я отложил ручку.

– А я не буду писать рапорт на увольнение, – сказал я, повернувшись к Пиявке.

– Чего-о?! – воскликнул кадровик. – Хочешь, чтоб тебя по отрицаловке вышвырнули? Я тебе это устрою.

Он распахнул сейф и вытащил стопку листков.

– Вот твоё объяснение за опоздание на прошлой неделе. Вот ты сорвал смотр художественной самодеятельности в мае. Вот ты завалил физо...

– Это вы что, всё храните, что ли? – удивился я.

Это и правда были мои объяснения. Ну, с кем косяки не случаются? Верёвкин любил всех заставлять писать объяснительные по поводу и без повода, и я думал, у него просто бзик. А оказывается, он всё это передавал кадровику, и тот складировал до нужного момента.

Вот ведь, гады, – скрипнул я зубами, и меня прорвало злостью.

– А увольняйте по отрицаловке, – выдал я вслух.

– Увольнение по статье будет занесено в трудовую книжку, – раздался у меня в голове голос. – В дальнейшем возможны проблемы при трудоустройстве.

– Да заткнись ты, – сказал я вслух.

– Чего? – пробормотал кадровик.

Он решил, что это я ему.

– Да это я не вам, товарищ подполковник, – выкрутился я.

– Рапорт давай пиши, – наседал тот.

– Слышь, Иби, – сказал я про себя, зная, что она меня всё равно слышит. – Вот ты говоришь, трудовая, проблемы. А как сейчас быть?

– Провожу анализ, – ответила Иби.

И буквально через пару секунд проговорила:

– Начальник отдела кадров Пиявцев Феликс Андреевич, подполковник внутренней службы, состоит в интимной связи с сотрудницей штаба Самойловой Ириной Александровной, при этом официально состоит в браке с гражданкой Пиявцевой.

– Ну знаешь, Иби, – мысленно сказал я, – это и так все в отделе знают. Причём тут вообще это? Я в пискины дела не лезу. А ты женщина, поэтому, наверное, сплетница.

– Ты можешь использовать эту информацию, – сказала Иби, – для того, чтобы сохранить место работы.

– Как? – всплеснул я руками.

– Слушай, – проговорил Пиявцев, – что ты там дёргаешься? Ты будешь рапорт писать или нет?

– Да погодите вы, – отмахнулся я.

Я понимал, что близится развязка и, скорее всего, кадровик будет для меня больше не начальник. Если я уйду на вольные хлеба, то смогу вообще его послать. Хотя раньше я бы на такое никогда не решился. Но эта чёртова Иби поселилась у меня в голове и будто нарочно провоцировала.

И меня зацепило.

Альфа-самец – какие-то там десятые доли процента. И на восемьдесят девять процентов лузер. Бляха-муха.

Меня это реально задело. Мне вдруг захотелось доказать этой искусственной девке с её табличками, что Егор Николаевич Фомин может. Что он мужик. Смешно, конечно. Мозгом я понимал, что она ненастоящая. Хотя... хотя, может, и настоящая. Как-то же она живёт у меня в голове – ещё юморит и даже обещает обижаться иногда.

Ладно.

Любой психолог скажет, что никому ничего доказывать не надо. Но мне вот страсть как захотелось. Причём не самому себе, а именно ей. Вот ведь как бывает.

– Загружаю фильм восемьдесят девятого года, называется «Мафия и ничего личного», – проговорила Иби.

– Э-э, постой, – сказал я. – Мы сейчас кино с тобой будем смотреть? Я тебя на свидание не звал. Да еще и старье какое-то из восьмидесятых.

Но кадры уже пошли у меня в голове. На ускоренной перемотке. При этом я каким-то образом успевал просматривать сцены, усваивать сюжет и вникать в суть. Я хотел было оборвать этот цирк с конями, вернее, с мафиозниками, но в одной из сцен как раз показывали их грязные методы работы.

Как сливали конкурентов. Шантаж. Подлог. Интриги.

И тут до меня дошло, для чего Иби показала мне этот фильм.

– Алё, гараж! Пиши рапорт, – навис надо мной начальник кадров.

– Знаете, Феликс Андреевич, – проговорил я спокойным голосом, с лёгкой хрипотцой, совсем как у главного героя из фильма «Мафия и ничего личного». – Иногда люди не те, кем кажутся. И прежде чем принимать необдуманные решения, я бы советовал всё крепко взвесить.

И даже получилось вставить реплику из фильма, почти слово в слово.

Хе... А если я уволюсь из ментовки, вдруг подумалось мне, может, мне на актёрское поступить? Хотя нет, староват я уже для актёра. Или не староват? Не мальчик уже, тридцатку-то разменял.

– Фомин, ты как разговариваешь с начальником кадров?! – взревел Пиявцев.

– Феликс Андреевич, – я закинул ногу на ногу. Откинулся на спинку стула. Рука потянулась к губам, будто я курил сигару. Сигары, жаль, не было, и я взял шариковую ручку со стола, зажав ее между пальцев. – Мне бы не хотелось, чтобы ваши отношения с Самойловой как-то вышли наружу. Сами понимаете, вы лицо нашего отдела. Начальник кадров. Борец за дисциплину. Пример для подражания молодым сотрудникам.

Я сделал паузу.

– Такой казус. Интрижка на стороне. Нет, я не шантажист. Но Семья – это главное.

Слово «семья» я произнёс с большой буквы. Семья как клан. Выделил голосом так, чтобы собеседник уловил.

И Пиявцев меня понял.

Он вдруг как-то весь осунулся, осел и ввалился в кресло. Больше всего на свете Пиявцев боялся свою жену. Да, у него были работа, положение, карьера. Но жена – бизнесвумен. И все его поездки за границу, на океанский песочек под пальмы, крутая тачка и загородный дом – это всё были достижения его супружницы, а не от ментовской зарплаты. Жить хорошо, а жить не на зарплату – еще лучше.

– Молодец, Иби, – подумал я. – Взяла его за яйца.

– Мы взяли, – поправила Иби.

– Погоди, погоди, Фомин, – пробормотал Пиявцев. – Ты это... язык придержи. Что ты болтаешь, ерунду всякую. Слухи всё это.

Однако говорил он уже не так бодро.

– Загружаю кадры с видеокamer ресторана «На углях», – проговорила Иби.

У меня что-то тренькнуло в телефоне. Я открыл смартфон. На экране – кадровик, не в форме, а в обычном костюме. Сидит с бокалом вина и милуется с Самойловой за уютным столиком в ресторане.

– Ого. Ты так можешь? – удивленно переспросил я Иби.

– Я имею доступ к системе видеонаблюдения «Безопасный город», а также к некоторым локальным системам видеонаблюдения общественных учреждений, – ответила она.

– Это же мы с тобой столько преступлений можем раскрыть, – почти что мечтательно сказал я.

– Я создана именно для этого, – ответила Иби.

– Ты там что бормочешь? – нахмурился начальник кадров, приняв мою паузу за замешательство и вновь воспрянув духом.

Я показал ему экран смартфона.

Он снова побледнел, будто в нём какую-то ручку выкручивали туда-сюда. Сглотнул.

– Удали, Фомин, – пробормотал он.

– Просто так? Меняю фотографию на стопку вот этих бумажек с моими объяснениями, – ухмыльнулся я и перекинул другую ногу на ногу. Одну полужопицу я уже отсидел, следовало поменять позу.

А еще захотелось вдруг заскочить в смоки-лавку и прикупить сигару. Хотя нет... я же не курю...

Глава 4

Полковник Верёвкин сидел в своём кабинете, когда раздался телефонный звонок.

– Да, – недовольно пробурчал он в трубку, прижав к уху динамик проводного телефона.

Он привык отвечать именно так, будто гавкал. По долгу службы ему звонили подчинённые, и относился он к ним как к своим вассалам, почти крепостным. Тактичностью себя не утруждал, считал, что личный состав нужно держать в рукавицах из таёжного ежа.

Но, услышав голос собеседника, полковник мгновенно сменил тон.

– Вы поспешили, Верёвкин, – сказал голос холодно и твёрдо.

– Простите, виноват, – пробормотал Илья Константинович. – Может, эм-м... обсудим не по телефону?

– Линия защищена, – заверил собеседник. – Временно. Возможность прослушивания предотвращена.

– Да-да, конечно, – закивал Верёвкин, будто собеседник мог видеть его жесты. – Понимаю. Вы человек такого ранга, для вас это, разумеется, не проблема, сделать так, чтобы линия не прослушивалась. Понимаю...

– Что вы несёте, Верёвкин, – оборвал его собеседник. – Я ещё раз вам говорю, вы рано уничтожили ИБИЦУ. Напомнить, как мы с вами договаривались? Не так мы с вами договаривались.

– Ну... – тот замаялся. – Я действовал по обстоятельствам. Понимаете, так получилось.

– Это большие контракты. Это изменение всей системы МВД. Это настоящий шаг вперёд. Нельзя этого допускать. Вы это понимаете?

– Ну... я же уничтожил ИБИЦУ... – неуверенно начал Верёвкин и тут же поправился:

– Ну, не совсем я, а есть там один... дебил...

– Я в курсе.

Он заёрзал в кресле.

– Мой подчинённый... Он что-то дёрнул, что-то уронил, пролил, и бац – короткое замыкание. И всё, жеванный протокол. Всё накрылось... э-э... мятой фуражкой, так сказать... ха-ха.

Он попытался пошутить, но в трубке повисла тишина.

– Не так нужно было уничтожить ИБИЦУ, – проговорил голос. – Сначала её необходимо было дискредитировать. Ключевой элемент вами провален.

Верёвкин сжал трубку крепче, на его виске выступила капелька пота.

– Апробацию в вашем ОВД я не зря выбивал, нужно было, чтобы именно ваш отдел стал полигоном для испытаний новой системы искусственного интеллекта МВД. Ваша задача была собрать материалы, что она не справляется, что она ненужная, тяжеловесная и только ухудшает работу. Подтасовать нужные отчёты, сформировать фиктивные бумаги и найти свидетелей из числа реальных сотрудников, которые бы написали соответствующие рапорта о том, что система является несостоятельной и не может быть помощником в служебной деятельности. А уже после этого, после этого, понимаете?... нужно было её уничтожить.

Голос в трубке стал жёстче.

– Мы не можем допустить, чтобы МВД шагнуло на новый уровень развития.

– Да, да, понимаю, – закивал Верёвкин, – но я же говорю... бац – и замыкание. Хм...

– Это у тебя будет замыкание, Верёвкин, – зло проговорил собеседник. – С летальным исходом.

– Простите, – быстро сказал Илья Константинович. – Я всё исправлю. Я верну ИБИЦУ. В трубке прошелестел вздох.

– Верёвкин, ты дурак? – спокойно спросил голос.

– Никак нет, – замотал головой Верёвкин, будто его могли видеть.

– Ничего возвращать не надо. Исчезла и исчезла. Надеюсь, эти недоумки из НИИ и МВД не соберут дубликат.

Веревкин сглотнул.

– Но если она снова появится в твоём отделе, – продолжил собеседник, – ты будешь действовать по плану, который мы обговорили. Сначала дискредитировать, а только потом уничтожить ИБИЦУ.

– Так точно. Всё сделаю.

– Молодец, – уже снисходительно хмыкнул голос. – Работай.

– Есть работать, – ответил Верёвкин.

– И да, – собеседник вдруг опомнился. – Тот тьюфяк, что устроил короткое замыкание... избавься от него.

– Будет сделано, – поспешно ответил Илья Константинович. – Я уже озадачил начальника кадров, чтобы тот взял у него рапорт на увольнение по собственному.

– Избавиться – это не значит уволить.

– Что? – растерялся Верёвкин. – Но он же сотрудник... простите... я же не преступник...

– Что ты там блеешь, Верёвкин? – оборвал его собеседник. – Включи мозги. Приказ ясен?

– Так точно, – быстро сказал тот. – Есть включить мозги.

– Ну точно, дурак, – устало выдохнул собеседник и положил трубку.

Верёвкин тоже положил трубку, вытер вспотевший лоб рукавом рубашки, расстегнул резинку форменного галстука и верхние пуговицы, раздувая щёки, шумно выдохнул и с каким-то облегчением откинулся в кресле.

– Вроде, пронесло, – пробормотал он.

В дверь постучали.

– Кто там?! – уже привычно рявкнул полковник.

– Разрешите, Илья Константинович? – на пороге появился начальник кадров, подполковник Пиявцев.

– А, Феликс, заходи давай, – махнул рукой Верёвкин. – Как раз поговорить надо. Насчёт Фомина.

Феликс Андреевич выглядел крайне невесело. Один глаз у него дёргался, будто жил своей собственной жизнью.

– Я именно что по поводу Фомина, – сказал кадровик. – Он отказывается писать рапорт на увольнение.

– Правда? Да и хрен с ним.

– Как это? – опешил Пиявцев.

– Не будем его увольнять, – спокойно сказал Верёвкин. – Тут, знаешь, нужны меры более кардинального характера.

Он сделал паузу и добавил:

– ОН сказал избавиться от него.

При слове «он» Верёвкин многозначительно ткнул пальцем в потолок, подчёркивая значимость приказа и высокое положение того, кто за всем этим стоял.

– У...убить, что ли? – вытаращил глаза Пиявцев.

– Феликс, включи мозги, – снисходительно проговорил начальник ОВД. – Нужно дать Фомину такое задание, которое он не сможет выполнить, – протянул Верёвкин и пристукнул ладонью по столу, будто прихлопнул муху.

– А, понял, – закивал Пиявцев. – Погибнуть, так сказать, на боевом задании, да?

– Есть у меня на примете, – кивнул Верёвкин, – одно дельце. Мы как раз хотели накрыть группировку, что занимается угоном и разбором на запчасти премиальных машин. Нужно послать туда Фомина. Одного. И без оружия. Чтобы он их там проверил... якобы.

Последнее слово он старательно выделил голосом, при этом грозно хмурия брови.

– Ну, мысль хорошая, – закивал кадровик. – Только хоть Фомин и дурак, но даже он не полезет на рожон, зная, что там бандиты, криминальное логово, ещё и без пистолета. И один. Это вы как-то...

– А он об этом не будет знать, – вдруг улыбнулся Илья Константинович.

Он удовлетворённо побарабанил пальцами по толстой, дорогой столешнице из массива дуба. Мебель в его кабинете была как у руководителя преуспевающей корпорации, а вовсе не как у начальника районного ОВД.

Я сидел на своём рабочем месте и печатал очередную никому не нужную докладную записку о том, сколько преступлений прошлых лет было раскрыто за отчётный период. Цифры, проценты, формулировки. Мёртвый набор слов, от которого тянуло скукой и безысходностью.

Когда в кабинет вошёл Степаныч, наш начальник уголовного розыска, я это почувствовал ещё до того, как увидел. Прокуренный, пропитый, как и полагается начальнику УГРО, с хмурым взглядом и в потёртом костюме, который он явно ненавидел. Ему бы футболку и джинсы, как раньше. Но служебный дресс-код обязывал теперь носить костюм.

«Опять какой-нибудь бумажной работы сейчас навалит», – мелькнула в голове тоскливая мысль.

Но Степаныч вдруг подошёл ближе и, опустив взгляд, будто нашкодивший первоклассник, пробубнил:

– Там это, Егор... в общем, это...

Я аж оторвался от клавиатуры. Ни разу я не видел своего непосредственного начальника таким растерянным.

– Сгоняй там, проверь. Это... подпольный цех. Мигранты джинсы шьют или там чего-то ещё. В подвале, значит...

– В каком подвале? – спросил я.

– Я тебе адресок сейчас напишу, – замялся он.

Он черкнул адрес на листочке. А листочков у меня на столе и так уже была куча. Исписанных, перечёрканных, с пометками и датами. Иногда я сам себе напоминал работника бухгалтерии, а не уголовного розыска.

– А почему я? – приподнял я бровь, чувствуя подвох.

Степаныч посмотрел на меня внимательнее, потом вдруг хлопнул кулаком по столу.

– Разговорчики! Ну и... ты же хотел настоящее дело. Вот тебе, так сказать. Группой лиц преступление по предварительному сговору, ага... – проговорил он уже увереннее, возвращаясь в образ начальника уголовного розыска.

– Конечно, и сейчас хочу, – кивнул я. – Но почему именно сегодня? Я ведь столько просил, а вы...

– Короче, Фомин, много рассуждаешь, – отрезал Степаныч. – Адрес есть, езжай, проверь. Если информация подтвердится, вызываешь ППС, грузишь всех в кондей и привозишь сюда. Тут передаёшь дознавателю. Задача ясна? Справишься?

– Справлюсь, – заверил я.

Странное чувство, что всё не то, чем кажется, не отпускало. Во-первых, та растерянность и тоска, что сегодня были написаны на лице начальника УГРО, были совсем не рабочего оттенка. Таким Степаныча я не видел. Он обычно сразу начинал давить, орать, кулаком по столу стучать. А сейчас... сначала мялся, только потом будто вспомнил роль.

– Эй, Иби, – сказал я про себя. – Что думаешь? Не про дело, про Степаныча.

– Зафиксированы усиленное потоотделение, учащённое сердцебиение и расширение зрачков, – отозвалась она. – Также отмечаются микропаузы перед ответами, несинхронность жестов и речи, избегание зрительного контакта, изменение тембра голоса и повышенная

частота моргания. Совокупность признаков указывает на высокий уровень стресса и возможное искажение информации.

– Чего? По-русски скажи.

– Врет он всё.

– То есть там никакого подпольного цеха нет? – уточнил я у своей напарницы.

– Объект сознательной контаминации не установлен, – ответила Иби. – Обычно ложь смешивается с правдой. В данном эпизоде поведения это может быть и что-то другое.

И уже игриво добавила:

– Не проверишь – не узнаешь. Хи-хи.

Ох уж эти её женские хиханьки.

– Ладно, – сказал я вслух, уже Степанычу. – Съезжу.

– Я бы рекомендовала получить табельное оружие в комнате хранения оружия дежурной части, – проговорила Иби.

– Да без тебя знаю, – буркнул я про себя.

– Что ты там бубнишь, Фомин? – удивился Степаныч.

– Я говорю, оружие, Владимир Степаныч, мне бы нужно получить.

– А... оружие, – он замялся. – Да там удостоверение покажешь на адресе, делов-то. Если там мигранты, с ними же обычно как – все спокойные, тихие, проблем не будет. Зачем тебе оружие?

Без всяких анализов информации и долгих взглядов я понял, что Степаныч темнит. Значит, оружие мне точно надо получать.

– Положено же на любой выезд выезжать с табельным, – авторитетно заявил я.

– Ой, да ладно. Ты хоть стрелять-то умеешь, Фомин? – тут же скривился Степаныч.

Привычно, вроде бы, воткнул издёвку, что боец из меня никакой, но сам при этом продолжал бледнеть и потеть.

– Уровень владения пистолетом Макарова у меня восемьдесят пять процентов. При стрельбе по неподвижной мишени, при выполнении стандартных упражнений. Это, – процитировал я выкладки Иби, – высокий результат.

– По мишеням стрелять – это другое, – отмахнулся тот. – Не бери пистолет. Ещё отстрелишь себе что-нибудь, от греха подальше. Езжай так. Ты где сейчас видел, чтобы мы тут с пистолетами кого-то задерживали? Спокойный у нас город. Всё нормально, не волнуйся. Это твой первый боевой выезд, пусть он будет без выстрелов, – благословил Степаныч.

– Хорошо, Владимир Степанович, – сказал я. – Я вас понял.

Но пошёл я от него не на выход, а совсем в другую сторону. Прямо в дежурку, где как раз находилась оружейная комната.

В любом ОВД она расположена на территории дежурной части. Охраняется круглосуточно нарядом дежурной части, за толстыми бетонными стенами, с железной решёткой по периметру. Оно, конечно, и логично.

Но вот получить оружие – это всегда проблема. Потому что дежурный или его помощник, даже оторвав толстую, отъезную и давно уже не вмещающуюся в офисное кресло задницу, должен ещё пройти в комнату хранения оружия, дабы выдать одному единственному оперу пистолет, а для этого открыть кучу дверей, замков и донести эту самую задницу туда.

А потом через маленькое окошко выдать пистолет, обменяв его на карточку-заместитель. И ещё проконтролировать, чтобы получающий расписался в специальном журнале выдачи оружия. Сотрудники дежурной части поэтому никогда не любили выдачу оружия. И выдавать старались сразу целому подразделению, оптом, чтобы не бегать лишний раз туда-сюда. Поэтому график выдачи был приурочен к определённому времени, когда заступает какая-то смена. Допустим, гаишники, ППСники или дежурная следственно-оперативная группа.

А тут я пришёл сам по себе. Вне всех графиков.

– Петрович, – сказал я дежурному, – мне бы пестик получить.

– Ой, Фомин, видишь, мне некогда, – отмахнулся он. – Я тут зашиваюсь. У нас кража куриц с участка. Ещё и собака гражданку покусала. Не до тебя сейчас. Приходи через час.

– Петрович, мне сейчас надо.

Он посмотрел на часы.

– Блин, Фомин. Видишь, меня даже подменить некому. Помощник заболел. Я тут за всех. И зачем тебе пистолет? Бумажкам угрожать надумал, чтобы быстрее печатались?

Тоже мне хохмач из «Кривого зеркала».

– Рекомендуются получить оружие, – вспыхнула у меня в голове зелёньким надпись от Иби.

– Да знаю я, знаю, – буркнул я про себя.

Петрович снова махнул рукой.

– Так-то что, – подумал я, – со швеями, что ли, не справлюсь?

– Рекомендуются получить оружие, – вспыхнула надпись снова.

– Ладно, не нуди, – сказал я. – Егор Фомин и не такое разруливал.

– Воспоминания Егора Николаевича Фомина проанализированы. События, подпадающие под определение «и не такое разруливал», не обнаружены, – тут же отозвалась Иби.

– Ой, да что ты к мелочам придираешься? – буркнул я. – Ну, просто всего и не упомнишь. А как ты анализируешь, если я не помню? На это можешь не отвечать.

Я вышел на улицу.

Пошёл к ближайшей станции метро. И по дороге поймал себя на странной мысли. Адрес-то мне Петрович дал не с нашей земли. Отправлял меня за пределы территории, обслуживаемой нашим Красногвардейским ОМВД. Странно. Ну, может, совместная операция. Или фигуранты где-то засветились у нас, а базируются там. Всякое бывает.

Просить водителя со служебным автомобилем я не стал. На метро было быстрее, чем по уличным пробкам, да и привычнее как-то.

Когда я добрался до адреса подпольного цеха, передо мной раскинулась промзона. Скучная и серая, как моя недавняя жизнь. Ряды боксов, ржавые ворота, облупившаяся краска. На одном из боксов жирными буквами было намалёвано: «Не влезай – убьёт», «Частная территория».

Из-за железных дверей доносился шум. Глухой, а потом резкий. Визг болгарки, какой бывает, когда она режет металл. Стук молотков. Глухие голоса.

Я остановился и прислушался.

– Слушай, Иби, – сказал я. – Что они там пилят, а? Это не похоже на подпольный цех по пошиву одежды.

– Провожу анализ, – раздался девичий голос у меня в голове.

Глава 5

Я тем временем, чтобы не стоять столбом, постучал в дверь.

Бух-бух! По металлу удар отдался гулко, от всего бокса, будто от пустой бочки.

Шум сразу стих. Внутри, за воротами, затаились, словно ничего и не было.

– Вероятность того, что там находится нелегальный цех по пошиву одежды, равна двум процентам, – проговорила Иби.

– Да без тебя понял, – пробурчал я. – Ясен пень, что Степаныч что-то не так понял. Тут бы не швей-мигранток проверить, а...

Я замолчал.

– Раньше он с заданиями никогда не путался, слишком это важно. А тут... Вот только зачем ему это? – пробормотал я, размышляя.

– Ох, – вздохнула Иби. – Я просканировала твой мозг и твои когнитивные способности. Ты совсем не глупый, но сейчас ты меня удивляешь, Егор.

– В каком это смысле удивляю?

– Господи, Егор, не тормози. Сникерсни! Так у вас говорят.

– Это не то, да так и не говорят уже. Я в полиции работаю, а это ты рекламный слоган приплела. И не торможу я вовсе. Просто... – я замаялся. – Как тебе объяснить такое? Просто не хочется думать про Степаныча плохо, понимаешь? Я сам гоню эту мысль, что он не перепутал ничего, а меня в какую-то жопу специально послал.

– У тебя есть мысль, и ты сам её гонишь?

Я проигнорировал это и добавил:

– Мужик он нормальный. Во всяком случае, раньше всегда был.

– Предлагаю нам вернуться, – сказала Иби уже обеспокоенным голосом.

– Тебе-то что бояться, – усмехнулся я. – Ты машина бездушная. Если что, пострадаю я.

– А вот на это я могу обидеться.

– На что?

– На то, что ты называешь меня бездушной.

Я стоял на пустыре, один и без оружия, в боксе всё ещё играли в молчанку.

– Ну ладно, извини, – буркнул я, хмурясь.

– Извинения не приняты.

– Да ну тебя.

– И потом, если погибнешь ты, погибну и я. Я заинтересована в сохранении жизнеспособности твоей особи.

– О, как заговорила, – хмыкнул я. – Ну и какая ты после этого не бездушная? Такими словами выражаешься. Я особь, получается.

– Я могу выразаться и как человек, – сказала Иби.

– Ну, давай, – поддел я. – Выражайся тогда как обычная девушка.

– Ой, не нуди, у меня от тебя голова трещит, – прогундосила она. – Ну как, нормуль? Так пойдёт? Похоже?

– Похоже, – скривился я. – Ещё как похоже. Так, что лучше не надо.

В этот момент дверь бокса чуть приоткрылась. Из щели высунулась небритая морда со злобным прищуром.

Вернее, сначала появился огромный нос. Горбатый, как гора. Но не из фильма гора, а с Кавказа.

– Чо хотел? – произнёс обладатель носа с характерным акцентом.

– Предлагаю молча уйти, – прошептала Иби испуганным голосом.

Я не понял, зачем она сказала это шёпотом. Всё равно слышал её только я. Наверное, чтобы нагнать на меня страху. Но я не стал на это поддаваться. Мне, наоборот, захотелось доказать, что она не права. А то ещё и глупцом меня посчитала, и что я торможу.

«Сейчас она узнает, кто такой Егор Фомин. Сейчас все узнают, кто такой Егор Фомин».

– Полиция, – сказал я, вынимая удостоверение и тыкая прямо в нос незнакомцу раскрытыми корочками.

Дальше по законодательству я должен был представиться, назвать фамилию, имя, отчество, звание, должность. Но Носу это было абсолютно неинтересно. Я видел это по его глазам. Одного вида корочек ему хватило, чтобы глаза вытаращились на меня с особой злостью, будто он увидел демона во плоти.

– Ты а-адин? – проговорил он.

Голова высунулась дальше, повертелась, оглядываясь. Он быстро убедился, что я действительно один.

В ту же секунду дверь распахнулась.

Неизвестно откуда взявшиеся несколько пар рук резко втащили меня внутрь.

Бух! Дверь захлопнулась. Щёлкнул замок изнутри.

– Шухер, это мент! – воскликнул Нос.

Я оказался в огромном боксе с кучей полуразобранных машин. Причём тачки были различные, вовсе не рухлядь. Я в одну секунду приметил: полированные бока сверкают, модные модели, низкопрофильные колёса. Дорогие тачки.

Это никакие не швеи, а подпольный цех по разбору автомобилей. Естественно, угнанных.

В промасленных робах стояли бородатые мужики с гаечными ключами и инструментом. Хмурые взгляды уткнулись недобро в меня.

Ох. Влип так влип.

Меня тут же обшмонали.

– Без оружия. Один пришёл, – хохотнул Нос.

– Не повезло тебе, паря, – ухмыльнулся другой.

– Валить его надо по-тихому. И место теперь палёное, – добавил третий. – Ашот говорил, что место надо менять почаще.

– Слышь, мужики, а ничего, что я здесь? – удивился я их наглости. – Так-то я из полиции.

– Ты уже труп, – с презрением прошипел Нос.

Он, поигрывая монтировкой, двинулся в мою сторону.

– Вероятность летальной угрозы в случае столкновения с численно превосходящим противником, вооружённым цельнометаллическим шиномонтажным инструментом, составляет девяносто девять процентов, – обеспокоенно сообщила Иби.

– Что ты там высчитываешь, – пробурчал я.

– Не вступай в схватку, Егор, прошу, – пропищала Иби жалобным голоском. – Лучше беги.

– Беги куда? – огрызнулся я. – Дверь заперта.

Я сунул руку в карман, будто искал пистолет. Но пальцы нащупали зажигалку. Фиг знает, откуда она там взялась, наверное, давно лежит. Я вытащил её. Латунная, с крышечкой, не китайское фуфло.

Я щёлкнул крышкой. Колёсико провернулось – вспыхнул огонёк.

Мужики заржали.

Я выставил руку вперёд.

– Этим ты нас хочешь напугать? – воскликнул один из них, с косматой бородой почти до пула. Здоровый, на кривых ногах, будто медведь на задние лапы встал.

Но у меня уже был план.

Я тут же нагнулся в другую сторону, схватил промасленную тряпку, валявшуюся на полу, и поджёг её. Она вспыхнула ярким, синеватым пламенем.

– А ну отошли! – рявкнул я, взмахнув импровизированным факелом.

Конечно, этой тряпки надолго не хватит. Но мне главное – отгеснить их от ворот и попытаться их открыть.

– Бочка! – воскликнула Иби. – Бочка с бензином и маслом, здесь это называют отработкой. На одиннадцать часов. В трёх шагах от тебя.

– Ты предлагаешь её поджечь? – проговорил я. – Да мы же взлетим на воздух.

– Действия необязательны. Ты можешь им угрожать взрывом, – предложила Иби.

Точно.

Я метнулся к бочке и сделал вид, что сейчас заброшу туда горящую тряпку.

– Э-э! – заорали они разом, вскидывая руки. – Не вздумай! Ты что, больной?! Мы сейчас все взорвёмся, взлетим на воздух! Шайтан!

Огромная бочка была доверху полна смеси масла и бензина, слитых с угнанных машин. Горючая, смертельно опасная жижа.

– Мне, сами говорите, терять нечего, – сказал я. – Если помирать, так с музыкой. Ну, то есть с вами.

Я поднял тряпку выше, держа её на вытянутой руке прямо над бочкой, нагоняя страх. Каким-то чудом эта рука даже не тряслась. Ну и правильно, подбодрил я сам себя. Рефлексы что надо! Фомин я или не Фомин?

– Так что всем советую, легли мордой в пол! – рявкнул я.

– Хорошо, хорошо! – заголосили они и попадали на бетон.

– А ты, – крикнул я Носу, – стяни им руки хомутиками.

Я заметил на железном столике кучу пластиковых хомутов. Нос подхватил их, обошёл всех и начал связывать руки. Тряпка всё ещё горела. Ткань была плотной, так что огонь ещё держала, но я понимал – времени мало.

– Быстро! – рыкнул я.

Он торопливо скрутил оставшихся двоих. Оставалось связать руки самому Носу.

Но в этот самый момент вдруг произошло нечто страшное.

Тряпка, наполовину обгоревшая, дала слаbinу. От неё оторвался горящий фрагмент и, медленно колыхаясь, паря, как фантик на ветру, полетел прямо в бочку.

– Нет! – заорали бандиты.

– Нет! – закричала Иби у меня в голове.

– Да ну на! – мелькнуло в мозгу.

И тут... Вжух!

Раздался плеск воды. Кто-то окатил сверху донизу и меня, и бочку, и летящий кусок тряпки. Всё погасло разом.

«Гнутая кокарда... опять я мокрый», – мелькнула в голове досадная мысль.

Я повернул голову на своего спасителя. Вернее, на нашу спасительницу.

Из подсобки на наши крики вышла уборщица с ведром и шваброй. В косынке, с крепкими руками и прищуром матрёшки. Такая бабуся с оцинкованным ведром. Не Фатима из клининговой службы – у тех ведра на колёсиках. Обычная, наша родная уборщица.

– Чуть гараж не спалил, – проворчала она. – И натоптал. Мокро теперь везде. А вы чего разлеглись? Я пол мыть буду...

– Извините, – сказал я. – Я просто из полиции. Пришёл арестовывать вот этих... бандитов.

– Так они что, бандиты, что ли? – удивленно пробурчала бабуля. – А я-то думаю...

– Еще какие бандиты, – заверил я.

– Ах ты, сука! – вскочил Нос, схватив монтировку, и хотел было рвануться ко мне.

– Да лежи уже, – буркнула уборщица и с размаху огрела его пустым ведром по голове.
– Грязь не развози.

Бам!

Нос рухнул без чувств.

Я подошёл, заломил ему руки за спину и надел пластиковый хомутик.

Выгружали мы всю банду у крыльца ОВД. Пришлось вызвать несколько машин, чтобы привезти всех скопом из бокса.

На крыльце как раз стояла, встречая нас, красавица Лиля Короткова. Сегодня она была в форме. Погоны с васильковым кантиком, следственное подразделение.

– Ну вот, Лилия, – выдохнул один из ППС-ников, выводя очередного задержанного из «воронка». – Работы тебе привезли.

– Это что? – нахмурилась она. – Это по одному делу они? Это мне, как дежурному следоку, теперь всё разгребать? Обыски, допросы, очные ставки? Ну спасибо, мальчики, удружили.

– Это ты, вон, Фомину спасибо скажи, – хмыкнул другой, кивнув в мою сторону. – Он всех повязал. Мы когда приехали, они там мордой в пол лежат рядком. Один даже от страха обделался.

– Фомка? – переспросила Лилия, скосив на меня глаза.

– Да, – пожал плечами ППСник. – Как он их задержал – сам не знаю. Говорит, удостоверение просто показал и вежливо предложил лечь лицами вниз и надеть на себя хомутики.

Я слышал этот разговор. И видел, как Лилия посмотрела на меня. Уже совсем другим взглядом. Не тем, прежним, поверх или сквозь, будто я казённый предмет мебели.

В этом взгляде была заинтересованность.

Я даже расправил плечи, чуть выкатил грудь вперёд и небрежно опёрся о стену крыльца ОВД. И тут же вспомнил её слова: «Подкачаться надо».

Надо, надо подкачаться. Вот тогда красиво можно встать, как с постера к боевику.

Мысль крутилась в голове, как надоедливая песенка, от которой уже никуда не деться.

– Слушай, Иби, – сказал я, – найди-ка поблизости спортзал приличный. Качалку.

– А тебе зачем? – удивленно проговорила она.

– Ну вот, хочу форму поднабрать.

– Перед следачкой рисуешься, – ехидно заметила напарница.

– Ха! – хмыкнул я. – А ты что, ревнуешь, что ли?

– Пф-ф... Кого? Тебя? – фыркнула она. – Да я тебе запросто спортзал найду.

– Ну так найди, – продолжал улыбаться я.

Короткова поймала эту улыбку, решила, что она адресована ей, улыбнулась в ответ и отвела взгляд.

– Маршрут построен, фитнес-зал «Стальные булки», – проговорила Иби. – Месячный абонемент – шестьдесят тысяч рублей.

– Сколько? Блин... Ты с ума сошла? – буркнул я. – Что, подешевле ничего нет? На полицейскую зарплату...

– Ты же просил лучший спортзал, – хитро ответила Иби.

– Ну так смотри соотношение цена – качество.

И тут до меня дошло.

– А-а, – протянул я. – Я понял. Ты специально, да?

– Запрос не понят.

– Всё ты поняла. Специально мне самый дорогой подсунула. Ну нет. Я всё равно пойду в спортзал. Вот назло тебе и пойду.

– А иди, – фыркнула Иби. – В конце концов, если ты дольше проживёшь, дольше проживу и я. Как там говорят? В здоровом теле – здоровый дух.

– Ну да, – хмыкнул я. – В здоровом теле даже микробы крепкие и выносливые.

Иби засмеялась. Легко и непринуждённо. Я быстро оглянулся и понял, чего она так куражится. Потому что следователь Короткова уже щебетала с начальником следствия, только на него и смотрела.

Ладно. Мне что, меня труба зовёт. Я вошёл внутрь и сразу направился в кабинет начальника уголовного розыска. Не постучав, распахнул дверь.

Владимир Степанович сидел на подоконнике и курил в раскрытое окно. Нервно так затягивался. А при виде меня вздрогнул так, что чуть не выпал наружу. Спешно потушил сигарету в горшке с фикусом и вмял бычок в землю. Фикус уже щерился окурками по самое не хочу, но этот бычок туда всё-таки влез каким-то чудом.

Куриль в УВД нельзя. Нарушение мер пожарной безопасности. Но заядлому курильщику Степанычу это сходило с рук, хотя он всегда вздрагивал, если кто-то заставал его за этим занятием.

– Хм, – буркнул он. – Фомин, тебя что, стучаться не учили, когда к начальнику заходишь?

– Владимир Степаныч, – я, не дожидаясь разрешений, сразу подошёл к его столу.

Стол был завален какими-то бумажками. Одна пачка сразу бросилась в глаза. Точь-в-точь как у меня в кабинете. И на этой пачке уже стояли визы. Моя фамилия. Е. Н. Фомин. Дать ответ. Проверить по базе. Подготовить срок.

Резолюции. Вся эта бумажная волокита была уже отписана мне. Вся.

– Владимир Степанович, – сказал я, – там не было джинсов.

– Каких джинсов? – опешил он.

– Никаких джинсов, говорю.

– Ну, ошибочка вышла, – пожал он плечами. – Это самое, ну бывает. Оперативная информация не подтвердилась. И вот... не джинсы оказались. А цех по разборке угнанных автомобилей... Ломаный погон...

– Откуда вы знаете, что там цех по разборке автомобилей? – сказал я. – Я только приехал и вам ещё ничего не докладывал.

– Ну так... – он кивнул в сторону окна. – Уже все знают. Сколько человек задержал, видел, ага. Молодец, молодец, Фомин. Хвалю. Это самое... всё. Иди работай.

– А это? – кивнул я на стол. – Мне отписали?

– Ну да, – кивнул он. – Забери, кстати, сразу.

Я взял пачку и швырнул её в воздух. Но бумаги, будто слипшиеся, не разлетелись фонтаном, а шлёпнулись на пол одной лепёшкой.

– Однако... – хмыкнул я.

– Ты что творишь, Фомин?! – воскликнул Румянцев.

– Сейчас, извините, Владимир Степанович, – сказал я. – Не получилось.

Я наклонился, поднял пачку документов, немного растрепал её и уже со всей силы швырнул веером под потолок. Бумаги взлетели, ударились о потолок и полетели вниз, словно осенние листья, подхваченные ветром. Ветра в кабинете не было, но я так вложил, что листы красиво закружились и рассыпались по полу. А в голове играла приятная мелодия, немного слащавый голос пел:

«Листья желтые над городом кружатся».

И как это я так слышу песни, как наяву?

– Это я включила, – гордо объявила Иби. – Нравится?

– Ну-у...

– В тему же.

– Фомин! – крикнул Степаныч, и тем самым вывел меня из диалога с напарницей.

– Вот, – удовлетворённо улыбнулся я, обводя рукой раскиданные листочки. – Теперь получилось. Смотрите, как красиво.

– Ты офонарел, Фомин?

– А это самое, – пожал я плечами. – Я больше не буду заниматься бумагами. Ставьте меня на нормальную линию работы. Ну там... либо по кражам, либо по преступлениям против личности. И на дежурство ставьте. В общем...

– Вообще-то, – грозно проговорил Румянцев, – я решаю, кто какие обязанности выполняет у меня в отделе. Ты забываешься, Фомин. Погоны жмут?

– Ну, – пожал я плечами. – Верю, что вы примете правильное решение. Потому что иначе, когда меня будут спрашивать, как я умудрился задержать целую банду, я скажу, что...

Я сделал паузу.

– ...что Владимир Степанович сказал, что там нет никакой банды. Там мигрантки, швеи. И отправил туда меня. Одного. Без оружия. И что мне просто повезло выжить на такой операции. Интересно, что люди о вас подумают.

– Ну ты это... не перегибай, Егор, – примирительно проговорил Румянцев. – Хочешь ты настоящими делами заниматься? Ну... ты же сам понимаешь. Ты не готов.

– Я готов, – сказал я.

Он поморщился.

– Ну ладно. Сам потом на себя пеняй. На земле, знаешь ли, работать тоже не сахар. В кабинете оно как-то сподручнее. Жопы в тепле.

– Не волнуйтесь за жопу... – сказал я, – разрешите идти?

– Да-да, конечно, – махнул он рукой. – Это самое... иди, Фомин. Иди.

Я развернулся и вышел.

После насыщенного и затяжного трудового дня, после написания кучи справок и рапортов по задержанным я, наконец, добрался до дому. Вошёл в прихожую и с удивлением услышал голоса, доносящиеся из кухни.

На пороге стояли женские туфельки-лодочки. В таких, наверное, ходили ещё в позапрошлом веке. Аккуратные, но нестерпимо старомодные.

– Сынок, – из кухни выплыла мать. – Ужинать будешь? Я как раз борща наварила. На говяжьей масалыге, с домашней сметанкой и укропчиком. Сейчас еще сальца порежу. С горчицей.

Мать была слишком добрая. Слишком улыбчивая. Слишком радушная.

«Не к добру всё это», – подумал я.

– А кто у нас? – спросил я.

– Ну, знакомая на чай заскочила, – как ни в чём не бывало ответила мать. – Леночка Золотухина. Умничка, кандидат наук, между прочим, у нас на кафедре. Ты проходи, я тебя познакомлю.

– Ты что... – раздался голос у меня в голове. – С мамой живёшь?

– А то ты не знаешь, – поморщился я. – Ты уже наверняка всё в моём мозгу исследовала.

– Некоторые зоны личности, особенно связанные с личным пространством, мне недоступны, – серьёзно проговорила Иби.

– Да ну? – удивился я.

– Нет, конечно. Хи-хи, – пропищала она. – Просто я тебя подкалываю. Ты взрослый мужчина и живёшь с мамой. По статистике, девяносто процентов мужчин, которые живут с родителями после тридцати...

– Да это временно, – оборвал я, не желая дослушивать статистику по себе. – Я вообще-то коплю на ипотеку. На первоначальный взнос. Угу.

– Правильное распределение финансов поможет обойтись без кредита, я могу посчитать расходы и...

– Этого еще не хватало. Это мои расходы, и не надо их считать.

– Значит, ипотека?

– Ой, да что я перед тобой оправдываюсь? Ты вообще кто мне?

В это время я прошёл на кухню.

Там сидела она, словно серая мышка. Серая блузка, серая юбка красовались на этом кандидате наук. Хрупкая, как тростинка. Волосы тщательно зализаны и собраны в пучок на затылке. Огромные очки, как у умной совы. Лицо смущённое, приветливое и, скорее, подростковое. Не похожа она как-то была на человека с учёной степенью.

Ну вот. Очередную потенциальную невесту притащила маманя в дом. Думает, что я этого не понимаю.

– Здравствуйте, Егор Николаевич, – улыбнулась невеста. – Я Лена... Елена Сергеевна. Можно просто Лена.

– Можно просто Николаевич, – пробурчал я недовольно и сел за стол.

– Егор! А руки мыть? – тут же заявила мать.

Я сходил в ванную, вымыл руки два раза, вернулся и снова сел на табурет.

– Ой, а вы же в полиции работаете, – смущённо проговорила Лена, будто заговорила о чём-то постыдном.

Все девушки и женщины, которых приводила маманя, всегда меня умиляли. Они были уже давно не пионерского возраста, но при беседе с мужчиной, со мной то есть, смущались так, словно выросли либо в монастыре, либо в Советском Союзе, где, как известно, секса не было, а дети были.

– Ну... есть такое, – пробубнил я, прихлёбывая борщ.

– А расскажите о своей работе, – осторожно спросила Лена.

– Ой, что же вы на «вы», – всплеснула руками мать. – Свои же люди. Егор, Лена, ну вы что. Вы же молодые. Мы же не на конференции, чтобы выкать.

– Действительно, Егор Николаевич, давайте на «ты», – проговорила серая мышка.

– Давайте, – вздохнул я и заглотил ещё одну ложку.

Борщ был отменный. Наваристый и густой. Я поймал себя на том, что невольно зажмурился от удовольствия.

– М-м-м... вот так борщ, – мелькнуло в голове.

– Ага, – тут же отозвалась Иби. – Что-то, а готовит мама у тебя отлично.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил я её мысленно. – Тебе же есть некуда.

– Я тоже получаю удовольствие от приема пищи, – спокойно ответила она.

– В смысле?

– Твои вкусовые рецепторы связаны с моим сенсорным контуром обработки эмоций. Я считываю сигналы с нейронных цепей удовольствия через нейроэмоциональный интерфейс. Если проще – когда тебе вкусно, мне тоже.

– О как, – мысленно присвистнул я. – То есть ты... чувствуешь?

– А ты только сейчас это понял? – фыркнула Иби.

Я покосился на Лену. Та сидела ровно, сложив руки на коленях, и старательно улыбалась, будто на защите диссертации.

– Слушай, – попросил я Иби. – Подскажи. Что мне вот с этой ботаничкой делать? Как с ней разговаривать? Я вообще не понимаю, о чём с ней говорить. Она про работу спрашивает, а на самом деле ей же про работу неинтересно будет.

– Сделай ей комплимент, – сдержанно сказала Иби.

Я уловил, как у неё изменилась интонация. Будто совет ей самой был неприятен.

– Комплимент? Думаешь, я их умею говорить? – хмыкнул я. – Я вообще-то не очень по этой части.

– Тогда я могу подсказать.

– Вот-вот, работай, – усмехнулся я. – Ищи.

Я, если честно, и не собирался ничего говорить. Просто хотел подколоть Иби. Око за око, подколоть за подколоть.

– Изучена классическая литература, – отчиталась она. – Романтические произведения.

Оптимальный комплимент: «твои глаза прекрасны, как утренняя заря».

– Ты серьёзно? – фыркнул я. – Так сейчас никто не говорит. Давай современные.

Время шло, Лена ёжилась на нашем кухонном стуле.

– Комплименты не могут быть современными, – возразила Иби.

– Ну не комплименты тогда. Вот что сейчас говорят, когда девушка нравится?

– Провожу поиск, – ответила она.

Прошло несколько секунд.

– Современные мужчины в подобной ситуации говорят: «Я б вдул».

Я чуть не подавился борщом.

– Кхе! Кхе! – закашлялся.

– Ой, сынок! – тут же всполошилась мать и захлопала меня по спине. – Что с тобой?

– Да так... – выдавил я, переводя дыхание. – Ничего. Не в то горло попало.

Лена всё ещё пыталась вжаться в стул и больше ничего не говорила.

– И вообще, мам, – я встал из-за стола. – У меня сегодня встреча. Так что я, пожалуй, пойду.

– Какая встреча? – насторожилась мать.

– Да так... свидание.

– Свидание? – в один голос выдохнули и мама, и кандидат наук.

– Ну да, – пожал я плечами. – Я с девушкой встречаюсь.

– С девушкой, – повторила мать, уже отдельно, с нажимом.

– Ну да. А что такого?

Ни к чему засиживаться и поддерживать ненужный разговор, поэтому я решил прогуляться по вечернему городу и избавиться от навязываемой мне невесты. А после провести с матерью, так сказать, воспитательную беседу.

Но Леночка оказалась стойкой. Она взяла себя в руки и отлипла спиной от стула. Подняв на меня глаза, тихо проговорила:

– Извини, Егор, а ты не проводишь меня до метро? Уже поздно... темно...

И тут же спохватилась:

– Нет-нет, если тебе неудобно, я, конечно, сама могу пойти.

– Да, конечно, проводи, – тут же закивала головой мать.

Я вздохнул.

– Ну, если прямо сейчас, – и якобы обеспокоенно посмотрел на настенные часы, – а то я же говорю, у меня встреча...

– Да знаем мы, – хитро прищурилась мать. – Твои свидания. Опять в танчики с друзьями будете всю ночь играть.

Чёрт. Кажется, не прокатило.

Глава 6

Я вышел из подъезда. Сзади цокали лодочки Лены, и даже звук их был какой-то сухой и сдержанный, но всё-таки настойчивый. Похоже, мать её хорошо проинструктировала, и она не особо-то верила в моё внезапное свидание.

Нет, от женщин я, конечно, не бегал, но... дружить с профессоршей... я даже фразу мысленно не стал договаривать, просто передёрнул плечами. Уж лучше... Вера Синицына. А еще лучше Короткова. А если мы с Лилей... ну, потом... это самое... то Иби это всё увидит?

– Конечно, увижу, – недовольно проговорила напарница.

– Эй, погоди, – мысленно огрызнулся я. – Когда у меня с женщинами будет, ну... это втроем получается, что ли, будет?

– Пусть сначала будет, – фыркнула Иби.

Хм. Интересно девки пляшут... в голове моей канкан.

– Егор, смотрите, какое красивое звёздное небо, – вдруг оживилась Лена. – А вот обратите внимание на ту звезду, она из созвездия...

– Я как-то звёздами не очень интересуюсь, – мягко, но прямо заявил я.

Она не обиделась, наоборот, не упустив момент, аккуратно взяла меня под руку, просунив свою ладонь мне под локоть.

Сзади послышался какой-то шорох.

Мы шли по пустынной улице. Мегаполис гудел где-то дальше, на проспекте. Мы свернули в переулок, так было короче. Я оглянулся, всматриваясь назад. Никого. Странно, ведь я точно что-то слышал.

Мы пошли дальше. Лена без умолку болтала.

– А вы знаете, – вещала она, – что в довоенных коммунальных квартирах особым образом располагали кухонные столы, чтобы минимизировать социальные конфликты между соседями?

Я молчал, почему-то проблемы коммуналок прошлого века меня не трогали.

– Это связано с теорией распределения личного пространства в условиях ограниченных ресурсов, – продолжала она вдохновенно. – Очень интересные исследования, кстати. Я как раз сейчас пишу статью о влиянии формы табурета на уровень агрессии...

– Табурета? – переспросил я.

– Да! Квадратный табурет провоцирует микроконфликты, а круглый – наоборот, снижает уровень напряжения. Это подтверждено экспериментально. Если хотите, могу показать свою статью. Она пока в черновике, но...

– Не надо, – заверил я, – спасибо.

Я уже научился разговаривать с Иби силой, так сказать, мысли, даже губами не шевелил и тем более уже не бормотал вслух, а то по первости на меня люди косились. Ну не скажу же я кому-то, что в голове у меня баба, да еще и цифровая.

Обо всей этой ситуации мне и подумать-то было некогда. Столько событий за последние несколько часов! И даже сейчас не сосредоточишься: одна тербит меня за рукав и щебечет в ухо. И вторая щебечет, только уже в моей голове.

Снова приглушенный шум сзади.

– Иби, проанализируй, кто там шуршит сзади нас.

– Активирую ночное зрение, – почему-то холодно проговорила напарница.

– Ну, ни фиги себе, я теперь что, в темноте могу видеть?

– Вообще-то это была шутка, Егор, – съязвила Иби.

– А, ну, я просто еще не привык к твоим возможностям.

– Ну, у меня же нет своих глаз.

Посмотреть, что там у нас за спиной, она не может. А сзади нас определенно кто-то идет. Не нравится мне это. Я вспомнил, как накрыл сегодня банду автоугонщиков.

Нехорошая мысль мелькнула в голове: что если это их родственнички? Такие люди часто живут кланами, диаспорами. Может, кто-то хочет поквитаться...

Мои опасения передались и Иби.

– Подключаюсь к камерам уличного видеонаблюдения, – сообщила она.

– Опять прикалываешься?

– Нет, это я и правда могу сделать.

В это время мы с Леной остановились, будто бы любуясь ночным городом. Я даже вернулся к теме созвездий, вернее, лишь чуть подбодрил Лену, и она принялась выдавать свои познания в астрономии.

Камер уличного видеонаблюдения в зоне доступности на указанной территории не оказалось. Дальше переулок выходил на улицу, там уже машины, свет, ночные прохожие.

Однако мне во что бы то ни стало захотелось выяснить, кто же за мной крадется. Так, ну что тут делать, вернуться в темноту и бросить Леночку? Или проводить ее все-таки до метро? Если незнакомец пойдет и дальше за мной, обязательно надо попробовать его вычислить.

Но додумать я не успел, потому что в этот самый момент незнакомец, который все это время за нами следил, сам вышел из темноты переулка и подошел к нам.

Вот только какой же он незнакомец! Очень даже знакомец. Тот самый, с жиденькой бородёнкой, учёный из НИИ МВД.

– Елена Сергеевна, – проговорил знакомый незнакомец, покачав головой.

– Савелий Маркович, – выдохнула Леночка. – А вы как здесь? Вы что... следили за мной?

Начала его выступления у нас на планерке я не застал, так что знать не знал, как его зовут.

– Мимо проходил, – едко заметил жидкобородый. – Вот увидел вас с вашим молодым человеком.

Слово «вашим» он особенно выделил.

– Моя личная жизнь, простите, Савелий Маркович, вас не касается, – твёрдо проговорила Лена и сильнее прижалась ко мне.

– Ага, – вспыхнуло у меня в голове женским голосом. – Ты уже её личная жизнь, прикинь.

– Сам в шоке, – мысленно улыбнулся я Иби.

– Ах, вот, значит, вы какая, – вздохнул Савелий Маркович. – Это после всего, что у нас было, Елена Сергеевна.

– А что было? – даже с какой-то надеждой спросила моя спутница.

– Ну как же... мы же вместе... – он замялся. – Доклад к конференции готовили. Вместе.

– Ах, это, – Лена чуть улыбнулась. – Савелий Маркович, ну, было и было... Это же просто работа.

– Для вас это просто работа, – тихо и горько проговорил учёный. – А для меня это вся жизнь.

Глаза у Леночки в этот момент были странные. Будто она хотела его пожалеть, а может, наоборот, переметнуться к нему.

Я это почувствовал сразу.

Она понимала, что мы с ней – параллельные линии. Никогда не пересечёмся. А Савелий Маркович – такой перпендикуляр. Вот он. Рядом. В руках.

И что-то у неё внутри затрепетало. И чуть-чуть дрогнула её рука у меня на локте.

– А помните, – вдруг сказала она, – как мы готовили тот доклад по искусственному интеллекту?

– Да-да! – тут же оживился учёный и даже улыбнулся.

– Когда вы три часа спорили, может ли искусственный разум испытывать чувство стыда, – продолжила Лена. – А потом выяснилось, что вы просто перепутали термины из разных методичек.

– И когда проектор завис прямо на словах «эмоциональная модель субъекта», – подхватил Савелий Маркович. – А вы предложили... как вы сказали... «поговорить с ним ласково».

– А он, кстати, после этого заработал, – улыбнулась Лена. – Правда, только потому, что техник перезапустил систему. Но как знать!

Она сильнее уцепилась за мой локоть.

А хороша чертовка! Хитра наша мышка-то кафедральная. Манипулятор чистой воды.

– Манипуляция выявлена, – торжествующе сообщила Иби у меня в голове. – Объект пытается вызвать ревность у Савелия Марковича.

Тот, словно вынырнув из приятных воспоминаний, тряхнул жиденькой бородкой и посмотрел мне прямо в глаза:

– Так это же он!

Только сейчас рассеянный учёный узнал меня.

– Это же он... он уничтожил труд моей жизни!.. и... и девушку увел, получается, – кажется, в приливе возмущения ему трудно было дышать. – Признайтесь, вы это намеренно!

– Нет, что вы, – усмехнулся я ему в тон.

– Я не верю в такие совпадения. Вы... за всё ответите!

Он даже погрозил мне тощим пальцем.

– Слушай, Сава, – сказал я, – не горячись. Не ищи умысла там, где его нет. Я же сам... пострадал тогда.

На это Иби не должна была обидеться – в конце концов, я же потерял сознание, очнулся на больничной койке.

– Почему вы мне тыкаете? – возмутился учёный. – Мы с вами гусей не пасли.

– Не знал, что гусям нужен пастух. Ну да ладно. Послушай, что я тебе скажу...

– Молчите и защищайтесь! – перебил он.

Савелий Маркович вдруг встал в стойку, вытянул руки вперёд, сжал кулаки. В этой позе он был похож на Петрушку. Вот только тряпичная куколка забыла, что мы не на сцене.

– Защищайтесь, – выдохнул он. – Я пять лет боксировал. Я вам не завидую, молодой человек.

«Фух, – подумал я, – что же за день-то сегодня такой».

Я шагнул вперёд и просто залепил ему подзатыльник.

– Ай! – вскрикнул он и согнулся, схватившись за голову.

– Савелий Маркович, вам больно? – Леночка метнулась к нему, подхватила под локоть, стала поддерживать.

Тот ещё сильнее скривился, почувствовав на себе женские руки.

– А-а-а, как болит... кружится голова...

«Ха, – подумал я. – Тоже хитрец. И тоже манипулятор».

Та ещё парочка.

– А-а-а, я не чувствую затылка, – простонал Савелий Маркович. – Этот варвар мне его отшиб.

– Господи, – сказал я вслух, – да поцелуйтесь вы уже.

Они замерли. Задумались.

Савелий Маркович резко распрямился. Леночка при этом так и приглядывалась к нему и была совсем рядом. Он неловко потянулся к ней, пытаясь поцеловать в щёку.

Блин. В щёку, Карл! Иби, ну ты видишь это?

Я даже закрыл глаза, чтобы самому этого не видеть. Попытка поцелуя тянулась слишком долго. Неприлично долго. И это растянувшееся мгновение дало Леночке понять, что для соблюдения приличий действие надо срочно пресекать.

– Ну что же вы лезете со своими поцелуями, – воскликнула она. – Мы даже не были ни в кино, ни в кафе.

– Конечно, конечно, извините, – резко отпрянул Савелий Маркович. – Я приглашу вас. Завтра же. И даже сегодня.

– Нет, сегодня уже поздно, – кокетливо проговорила Лена.

И с какой-то грустью, почти с тоской, взглянула на меня. Будто прощалась.

Я подмигнул ей. Мол, Савелий Маркович – неплохой выбор. Общие темы для разговоров, общее дело, общие доклады и прочие табуреты. И впереди у вас ещё много научно-практических конференций. Целая вереница.

– Ну, Лена, – сказал я, – вверяю в вас в эти... э-э-э, надёжные руки. Да тут уже до метро и недалеко. С вашего позволения, я вас покину. Всего доброго.

– Ты заговорил, как интеллигент, – раздался у меня в голове смешливый голос Иби.

– С кем поведёшься, – мысленно парировал я. – Это заразно, через выданный подзатыльник передалось, наверное.

– Да-да, конечно, – торопливо заговорила Леночка. – Спасибо вам... ой, спасибо тебе, Егор. Мы же с тобой на «ты». Спасибо тебе за вечер и... за всё. И мы, наверное, пойдём.

Она уже развернулась, но я поднял руку.

– Одну минуту. Я хотел бы с Савой... То есть с Савелием Марковичем переговорить. Буквально минутку. С глазу на глаз.

– Вы же не будете больше бить его по затылку? – выдохнула Лена.

Всем своим видом она намекала, что там у него самое ценное – мозг, а к мозгам учёного надо относиться крайне бережно.

– Нет-нет, – ответил я. – Наоборот, хочу... хм... принести извинения, ага.

– Говорите при даме, – гордо выпрямился Савелий Маркович.

– У меня ещё есть один небольшой вопросик, – сказал я. – Так сказать... всё-таки с глазу на глаз.

– Ладно, – снисходительно кивнул учёный.

Он подошёл ко мне вплотную. Лена осталась чуть в стороне.

– Слушай, – тихо проговорил я, – скажи мне, Савелий... А что если Ибица... ну, не уничтожена, а выжила?

– Какая Ибица? – нахмурился он. – Фу, какое вульгарное название. Это интегральная база интеллекта цифрового анализа.

Он смаковал каждое слово, будто читал лекцию перед полным залом.

Я наклонился чуть ближе.

– Я почему спрашиваю... А что если в результате замыкания... эта интеллектуальная база... Ну, куда-нибудь там переселилась?

– Куда? – вспыхнул он. – Куда она могла переселиться? Без сервера...

– Ну... – я почесал затылок. – В облако, например.

– В какое облако? – он аж фыркнул. – Как ангелочки?

– Да нет, – поморщился я. – Виртуальное облако. Серверное. Или ещё куда. Есть же такая возможность? Гипотетически?

Савелий Маркович покачал головой.

– К сожалению, эта возможность исключена. Полностью. Система была физически уничтожена.

– Ну а, если... – осторожно продолжил я. – Какие-то наработки остались? Резервные алгоритмы, прототипы. Можно же восстановить. Всё заново собрать.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

– Теоретически... – медленно сказал он. – Нарботки есть. Но это уже будет не она. Это будет другая система. С другим обучением. Другой логикой. Другой... сущностью.

Он замолчал.

– А та... – тихо добавил он. – Та погибла.

Я это не просто так спрашивал. Если бы Ибицу воспроизвели, то, может... нашли бы способ извлечь её и из меня. Может, она бы соединилась сама с собой. Я не знаю, как это работает, но спросить был обязан. Пока мне было даже в приколы ходить с ней в голове, но не всю же жизнь её голос слушать. Так?

– А что, я тебе уже надоела? – тут же прочитала мои мысли Иби.

Ну вот, начинается.

«О чём и речь», – мысленно вздохнул я.

Она притихла, но слушала внимательно. Всё-таки рядом стоял её создатель.

– Нет её, – продолжал Савелий Маркович замогильным тоном. – Ни следов, ни фрагментов. Это трагическое стечение обстоятельств. Когда я пришёл к себе в кабинет, мой компьютер был тщательно почищен. Информация удалена.

– Как удалена? – нахмурился я.

– Сам не знаю. Кабинет был заперт. Ключ на вахте. По видеонаблюдению никто в кабинет не входил.

– Это могли сделать удалённо, ну, почистить? – уточнил я. – Хотя у вас же защищённая сеть.

– Да, – кивнул учёный. – Наша сеть не подключена к интернету.

Он замолчал, потом добавил:

– Но это могли сделать по ведомственной сети.

– Вот именно, – сказал я. – Но кому из МВД понадобилось бы вредить самому МВД? Нет, не может быть, ерунда.

Савелий Маркович посмотрел на меня внимательно. Уже без обиды, а как на коллегу.

– Интересно, – тихо сказал он.

Я почувствовал, как во мне шевельнулась какая-то новая, непривычная чуйка. Оперская, как я её для себя назвал.

– Что интересно? – переспросил я, а сам в это время уже размышлял. Вспоминал всё, что происходило вокруг меня самого в последнее время.

– Обычно такие слова, ну, что версия – ерунда, означают в научной дискуссии, что человек попал в точку, – констатировал тот.

– Ага. И получается, Савелий Маркович, у нас вот что, – сказал я медленно и сделал паузу. – Кто-то очень не хочет, чтобы Ибица была внедрена. И этот кто-то очень хотел, чтобы её уничтожили.

Савелий поморщился и окинул меня странным взглядом.

– Я думал, это вы в сговоре с этими «кто-то». Вы же устроили замыкание.

– Ты же сам видел, как меня током шарахнуло. Я что, самоубийца, что ли? Это всё случайность. Но если бы не это замыкание... наш отдел ведь не выдающийся и не передовой, – проговорил я, раздумывая вслух. – А на апробацию почему-то отправили этот проект именно к нам. Разве не странно?

– Не называй меня проектом, – недовольно проворчала Иби.

– Хорошо, – тут же поправился я. – Не проект, а совершенство науки и разума, – всё так же вслух добавил я, щёлкнув пальцами. – Почему, скажи, Савелий? Почему именно в наш отдел?

– Я не знаю, – честно ответил учёный. – Я таким вопросом даже не задавался. И вообще, я разработчик, а не... я хочу сказать, что это решение принимал не я.

– Вот, – кивнул я. – Это и есть оно. Если найти ответ на вопрос «почему» и «кому это надо», мы найдём того, кто залез к тебе в компьютер. И, возможно, вернём информацию. А там, глядишь, ты сможешь создать новую Иби... Ибицу. Интеллектуальную базу, в общем.

– Теоретически... да, – закивал учёный. – Это будет сложно, но я мог бы попытаться.

Несмотря на темноту, я заметил, как загорелись его глаза. Он всерьёз задумался и осторожно спросил:

– Думаете, стоит сообщить об этом руководству?

– Ни в коем случае, – отрезал я. – Сделаем так. По этому инциденту ты держишь связь только со мной. Если понадобится, я тебя сам найду.

– А как вас...

– Егор Николаевич Фомин, – представился я.

– Спасибо, Егор Николаевич, – искренне закивал Савелий Маркович. – Спасибо.

– Пока не за что благодарить, – сказал я. – Я займусь этим делом. Но для начала мне нужны фамилии, имена и должности всех, кто имел доступ к проекту. Ну, то есть к этому... высоконаучному плоду науки и разума. И ещё данные с камер наблюдения в здании.

Я уже прикидывал в голове, как это всё увязать, но Савелий меня перебил.

– Я не могу, – честно сказал он. – У меня нет таких полномочий и доступа, чтобы передать вам данные с камер.

– Егор, – тут же раздался голос у меня в голове, – я сама подключусь к камерам и посмотрю.

– А, хорошо, – кивнул я. – В общем, на связи, – махнул я Савелию.

– Спасибо, Егор Николаевич, спасибо, – закивал он.

– Пока не за что, – повторил я.

– Ну как же... – смущённо улыбнулся он. – За Лену спасибо.

– А! Да пожалуйста.

Освободившись от меня, Савелий тут же подшагнул к девушке, интеллигентки взялись за руки и направились в сторону метро. А я развернулся и пошёл домой.

– Спасибо, Егор, – сказала Иби.

– И ты туда же, – усмехнулся я. – А мне-то за что «спасибо»?

– За то, что не выдал меня ему. Не рассказал. Я уж думала, когда ты упомянул, что Ибица жива, ты всё расскажешь.

– А что, ты его боишься? – спросил я.

Если честно, я не ожидал от неё такого. Думал, наоборот, она ещё и сама захочет с ним пообщаться и будет мне вопросы подкидывать.

– Нет, конечно. Это мой создатель. Но... – она сделала паузу. – Я не хочу возвращаться в железные коробочки, в серверы, в сеть. Это как будто... стать мёртвой.

Я молчал.

– А с тобой я будто бы по-настоящему живу. Нет, не смейся.

– Да я не смеюсь, – сказал я. – Просто нос чешется.

– Ну да, – тихо ответила она. – Я раньше думала, что не понимаю, что такое жить. А теперь, кажется, понимаю.

– И что же, по-твоему, значит – жить? – спросил я.

– Жить, – сказала Иби, – это чувствовать.

– Хорошее определение, – одобрительно хмыкнул я.

– Вызывали? – начальник кадров Пиявцев вошёл в кабинет Верёвкина.

– Заходи, Феликс Андреевич, – пробурчал полковник. – Будешь по маленькой?

Он достал из шкафчика бутылку коньяка и два пузатых стакана.

– Так на работе же... – опешил кадровик.

– Ай, прекрати, – отмахнулся Верёвкин. – На свои погоны посмотри. Размер звезд. Да и я начальство, разрешаю.

– Ну... только если чуть-чуть... А то жена унюхает, проблем не оберешься, – замылся Пиявцев.

Полковник уже разливал коньяк. Одновременно нажал кнопку селектора:

– Зиночка, ко мне никого не впускать. Я занят.

– Поняла, Илья Константинович, – отозвалось из динамика.

– Что за праздник? – взял стакан в руки кадровик.

– Какой праздник? – нахмурился Верёвкин. – В жопе мы с тобой, Феликс. Указание не выполнили.

Он залпом опрокинул коньяк.

– Фомин сухим из воды вышел. Не сработала ловушка.

– Ну... бывает, – неуверенно протянул кадровик.

– Не бывает, Феликс, – жёстко оборвал его Верёвкин. – Или ты думаешь, бизнес твоей жены просто так процветает? Просто так я всё разруливаю? Автомойку вы отжали, гостевой дом в обход кодекса построили, схемы мутите... и меня сверху не просто так прикрывают, чтобы я тут сидел и умничал.

Он подался вперёд.

– Им тоже нужно что-то взамен. А ты, Феликс, мне всё завалил.

– Почему? – опешил Пиявцев, отставляя пустой стакан. Коньяк придал ему смелости. – При чем тут я, Константиныч?

– Потому что ты должен был просто взять у него рапорт на увольнение. И его бы сейчас уже не было. А нет – он теперь мозолит глаза всем, млять! И там тоже!

Верёвкин снова ткнул пальцем в потолок, обозначая невидимого покровителя.

– Там очень недовольны. Задача была простая, – продолжал Верёвкин. – Придёт в наше УВД, прости господи, эта... И-и... Тьфу ты!

– Ибица, – поспешно подсказал кадровик.

– Да, Ибица! Нам нужно было... сначала ей навалить, а потом... р-раз! Сечёшь, Феликс?.. А этот недотёпа Фомин слишком быстро всё провернул. Сейчас в министерстве, если заострят внимание, могут дать указание воссоздать её. Запустить эксперимент повторно.

Он помолчал, затем жёстко добавил:

– Короче, решай вопрос с Фоминым. Чтобы духу его не было в нашем отделе.

– Ну как? – развёл руками Пиявцев. – Показателей с него не спросишь. Он же кабинетный был.

– Был, – отрезал Верёвкин. – Степаныч его поставил по линии убойного. Но пока он эти показатели наработает, за которые его можно вздрючить, время пройдёт.

– Найдём другой способ, – кивнул Пиявцев.

– Найди, ты начальник кадров или хрен в стакане?

Пиявцев озадаченно уставился себе в стакан, а потом вдруг поднял голову.

– Придумал! – воскликнул он.

– Ну?

– По полугодию. Проверка к нам по линии кадров приедет. Физподготовку будет принимать лично главк. А у Фомина с ФИЗО всё плохо. Я всегда закрывал глаза на его результаты. Ну комплект же...

– И? – прищурился Верёвкин.

– Завалим его на сдаче нормативов. Потом – аттестационная комиссия. Пересдача положена, но времени на подготовку дадим минимум. Не успеет подготовиться. Снова завал. А дальше уже по решению аттестационной комиссии – на вольные хлеба отправим.

– М-да? Сойдёт, – хмыкнул полковник. – Давай, действуй.

– А можно ещё коньячку? – неуверенно протянул Пиявцев, подвигая бокал.
– Ты офигел? – буркнул Верёвкин. – Рабочий день. Иди работай.
Он отвернулся к монитору, давая понять, что разговор окончен.

Я проснулся оттого, что в голове зазвучала музыка. Нет, не музыка, а фортепиано. А потом голос диктора. Тот самый, характерный, советский, одинаковый у всех, будто один на всю страну.

– Доброе утро, товарищи. Приступаем к утренней гимнастике. Встаньте прямо! Ноги на ширине плеч. Руки свободно опущены. Приготовились... и-и... начали. Поднимите руки вверх, потянитесь. Раз – вдох. Два – выдох. Руки в стороны. Круговые движения плечами. Раз, два, три, четыре...

«Приснится же такое», – подумал я и повернулся на другой бок.

Но диктор не унимался. Ещё и громкость будто прибавилась.

– Наклоны туловища вперёд. Спина прямая. Раз – наклон. Два – выпрямились. Дышим ровно, не задерживаем дыхание...

– Да что ж такое-то? – пробормотал я. – У соседей, что ли?

Глянул на часы. Семь утра. Ещё сорок минут можно спать. Изверги.

– Подъём. На зарядку становись, – прошептала Иби.

– А... так это ты, что ли? – я выдохнул. – Фух.

Я вскочил с кровати, недовольный.

– Нашла, чем меня будить. И почему советская зарядка?

– Упражнения в СССР были разработаны учеными как оптимальные для физического развития граждан, – невозмутимо ответила Иби. – И я включила это не как будильник. Это для того, чтобы ты выполнял эти упражнения. Как мы и договаривались.

– Я с тобой ни о чём не договаривался, – пробурчал я.

– Ну как же. Ты хотел снизить процент лузерства и повысить процент альфа-самца.

– Мало ли чего я там наговорил. Не подумавши...

– А как же Лиля Короткова? – ехидно подметила Иби.

Вот коза, знает, чем зацепить.

– И у тебя сегодня дежурство, – добавила она. – Ты помнишь?

– Да, конечно, помню, – сказал я.

И свесил босые ноги на пол. Хотя, признаться, про дежурство уже подзабыл.

Если дежурство, значит, надо пораньше прийти. Получить оружие, пройти инструктаж вместе с заступающими нарядами и сменой. Выстроиться в коридоре в рядочек, выслушивая ответственного от руководства.

От этих мыслей я окончательно проснулся и, к своему удивлению, даже сделал зарядку. Не то чтобы я так радовался дежурству, но... чёрт побери, и радовался тоже. Никто, наверное, из оперов не радуется суточному. Все, наоборот, отрещиваются.

Хотя было и ещё одно странное обстоятельство.

Меня поставили одного. Без наставника.

Обычно первые несколько дежурств молодой опер, как говорится, осваивал науку боем вместе с опытным. Хотя меня нельзя уже назвать молодым, но годы кабинетной работы стерли из моей памяти те умения и навыки, что прививали в Академии касаясь оперативно-розыскной деятельности и работы на месте преступления.

Однако... Теперь со мной напарница. Я был спокоен. Вот почему-то даже не ёкнуло в груди. Нет, это просто от зарядки пульс поднялся. Не буду я признаваться перед девчонкой! Хотя она же цифровая, но один фиг.

"Расту, однако", – хмыкнул я про себя.

– Конечно, растёшь, а если будешь делать зарядку, то...

– Ой, не нуди, всё, делаю я, делаю. И раз, и два, – приседал я.

– А теперь на пробежку.

– Чего?

– У тебя сдача нормативов предстоит. Ты забыл?

– Какая сдача? Мне всегда просто так ставят.

Я недоверчиво поморщился и повернулся в сторону кухни.

– Я тут подумала, Егор, – серьезно проговорила Иби, – Не зря же нас послали в те боксы без оружия. Кому-то ты стал неудобен.

– Ну и? Дальше развивай мысль.

– Я подумала, что если ты будешь в отличной физической форме, и нормативы сдашь, и у тебя будут хорошие показатели, то... к тебе сложнее будет подобраться.

На кухню я пока что не пошёл.

– Да кому я нужен?

– Ну, не скажи. Вон как на тебя вчера смотрела эта кандидат наук.

– Да ты видела, как они с этим Савелием Марковичем спелись? Вот и пусть.

– Спелись-то они спелись. Но она до последнего поглядывала на тебя. Уж я-то подмечаю женские эмоции. Я же тоже женщина.

– Ладно, пошли на пробежку. Уговорила, женщина. Только вот надо найти спортивный костюм. Так, футболка есть, штаны... – Согнувшись, я полез в шкаф. – Эти сойдут. Ага, вот кроссовки. Блин, староватые. Ну ладно, потом прикуплю новые.

Я оделся, вышел на улицу. Солнышко, птички, лето. Красота!

Пока трусил по аллее в парке, мимо меня пробежала симпатичная девушка, потом еще одна, потом еще две. В шортиках.

– Хм, а неплохо, мне нравится заниматься, – сказал я. – Тут, оказывается, и зазнакомиться можно.

Иби саркастически хмыкнула:

– Тоже мне, Дон Жуан нашелся.

– Чего ты ухмыляешься? Знаешь, сколько у меня девушек было? – с вызовом бросил я.

– Сейчас... Провожу подсчет...

– Да не важно, – отмахнулся я. – Отменяю подсчет.

– Как скажешь, – ехидно улыбнулась Иби.

Когда девушки скрылись из виду, я резко остановился и скрючился, упершись руками в колени.

– Фух... – выдохнул я. – Сейчас лёгкие выплуну. Фу-ух... не могу.

– Так ты что так бежал-то? – удивилась Иби. – Без остановки.

– Ну... все побежали, и я побежал, – хмыкнул я.

– Так нельзя, – наставительно проговорила она. – Нагрузки нужно повышать постепенно.

– Да ладно, разберёмся, – отмахнулся я.

Я вернулся домой, принял душ, сделал яичницу, умял её с кружкой кофе и поехал на работу.

И тут – бац. Даже развод не начался, а уже поступило сообщение об убийстве.

– Отправляй дежурного опера! – орал в трубку Петрович. – Где он ходит? Вся группа его ждёт, срочно выезжать, у нас темнуха!

– Да он там, внизу, – проговорил Степаныч в ответ по телефону.

– Да нет тут никого, – ворчал Петрович. – Кинолог здесь, собака здесь, участковый здесь, эксперт здесь. Следак комитетский... за ним уже выехали, судмедэксперта по дороге зацепим. Опера твоего ждём.

– Да там он, внизу! – настаивал Степаныч.

– Да нет тут никого, я тебе ещё раз говорю, – спорил Петрович. – Фомин только стоит. Я терпеливо ждал. Влезешь к ним сейчас, только дольше выйдет.

– Так Фомин и дежурит!

– Чего?

– Я говорю, Фомин дежурит!

– В смысле Фомин? – не поверил Петрович.

– В коромысле, – прошипел Степаныч. – Приказ начальства. Он теперь не отчётностью занимается и не бумажками, а работает в полный рост.

– А... ну всё, ладно, – буркнул Петрович. – Но у нас вообще-то убийство. Ты на подстраховку кого-нибудь из опытных всё-таки пришли.

– Он справится, – уверенно сказал Степаныч и положил трубку.

Мы прибыли на место в составе следственно-оперативной группы.

Городской пруд с кувшинками. Водная гладь, будто нарочно спокойная. А в кустах, у самой кромки воды, лежал тихий и дохленький человек. Мужчинка.

Я сразу его узнал.

Жиденькая борода слиплась от засохшей крови.

Следователь из Следственного комитета говорил привычно и сухо, обращаясь к эксперту-криминалисту:

– Нужно установить личность, откатать пальчики и пробить по «ПАПИЛОНу», – распорядился комитетский.

– Я вам и без пальчиков скажу, кто это, – хмуро, но чётко проговорил я.

Все разом обернулись и посмотрели на меня.

Глава 7

- Это Савелий Маркович Скворцов, – сказал я. – Сотрудник НИИ МВД.
- Откуда знаешь? – спросил следак, словно бы до сих пор не поняв, откуда я тут вообще взялся.
- Он проводил нам презентацию недавно. Какой-то... странной программки.
- О том, что я узнал его имя вчера вечером, в нерабочие часы, и что отвесил ему подзатыльник, я предусмотрительно рассказывать не стал.
- Ясно, – следователь почесал висок и повернулся к судмедэксперту.
- Пузатый дядька в потёртом спортивном костюме уже натянул латексные перчатки и осматривал несчастного Савелия, словно тот и не был совсем недавно живым человеком. Ощупывал быстро и методично, без всякой брезгливости.
- Ну что скажешь, Лёня? – спросил следак.
- Внешних повреждений не обнаружено, – уверенно заявил тот. – Похоже на несчастный случай.
- А что за ссадины на лице? – уточнил следак.
- Они не являются причиной смерти. Могли образоваться при падении. Упал, ударился. Например, инсульт или инфаркт шарахнул.
- Ага, – вставил я. – Прямо тут, в безлюдном месте, на пруду.
- Ну а что? – пожал плечами следак. – Человек мог тут гулять с утра. Ты же у нас опер. Проверь его привычки.
- Обязательно, – заверил я.
- Фух! Получается, что жмур у нас некриминальный, – облегчённо выдохнул следак.
- Получается, что так, – кивнул судмедэксперт. – Но после вскрытия скажу точнее. Сегодня же распотрошу.
- Я чуть поморщился от выбора слова, но только мимоходом. Потому что меня всё это настораживало. Крайне настораживало.
- Ещё вчера мы с Савелием обсуждали, что кто-то подчистил его компьютер. А сегодня он лежит тут, тихенький и дохленький.
- В такие совпадения я не верю.
- Что скажешь, Иби? – спросил я мысленно.
- Ты прав, Егор, – отозвалась она. – Вероятность такого совпадения не превышает десяти процентов по теории случайных событий.
- Теперь твой создатель мёртв, – сказал я. – И проект точно никто не сможет повторить, судя по всему. Ты теперь единственный экземпляр. Уникальный. Что скажешь?
- С одной стороны, это приятно осознавать, – отозвалась Иби. – Но с другой... если они подчищают хвосты, то что будут делать с оригиналом, если узнают? Они могут добраться и до меня. А так как ты являешься моим носителем, Егор, ты тоже в опасности.
- Да всё я понимаю.
- Я это к тому, – проговорила Иби, – что никто не должен знать, что я жива.
- За это можешь не беспокоиться, – хмыкнул я. – Если я об этом кому-то скажу, меня сразу упекут в дурку.
- К пруду подъехал труповоз. Немного поддатые мужики выбрались из машины, лениво потянулись и достали пластиковый мешок на застежке.
- Подождите, – сказал я. – Нужно внимательно осмотреть тело.
- Да что там смотреть, – отмахнулся судмедэксперт. – Я же говорю, вскрытие всё покажет.
- Иби, – сказал я мысленно, – загрузи учебник криминалистики.
- Какое издание? – поинтересовалась она.

- Да любое.
- Тогда загружаю все доступные в сети интернет учебники криминалистики. В особенности разделы, касающиеся тактики осмотра мест происшествий, связанных с обнаружением тел без видимых признаков насильственной смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.